

Цунваз Арбуду – прозаик, сценарист, кинодраматург и исполнительный продюсер, член Союза писателей Кыргызстана, пишет под псевдонимом Цун Эр. Окончил Кыргызский государственный университет по специальности «филолог, преподаватель английского языка и литературы», работал в отделении востоковедения Академии наук Киргизской ССР. Владеет русским, английским, немецким, дунганским языками. В настоящее время проживает в Германии. По сценариям Арбуду были сняты фильмы «Переселенец» Сергея Эпштейна, «Халала», сериалы «Танкер “Танго”» и «Оружие» Бахтияра Худойназарова и другие. Документальная кинолента «Дунгане. Из жизни неизвестного народа» – режиссерский дебют писателя.

Цун Эр

ЗЕЛЕНЫЙ ВИХРЬ, ЖЕЛТАЯ БУРЯ

Роман

Первая часть

1870 год. Отставной офицер-артиллерист Прусской армии Лотар Ланков отправляется в Цинский Китай для завершения сделки по продаже новейших пушек Круппа. Маньчжурский генерал Мао втягивает его в гущу кровавых сражений между императорскими войсками и дунганскими повстанцами. Невероятная жестокость и вероломство генерала вынуждают Лотара совершить поступок, который навсегда изменит его жизнь...

Глава первая

1871 год. Империя Цин. Провинция Ганьсу

Ранним мартовским утром вышеупомянутого года на каменистом холме к северу от зубчатых бойниц высокой стены, опоясывающей древний китайский город-крепость Лияньчжоу, появился Лотар Ланков, старший канонир-испытатель компании «Крупп» в чине обер-лейтенанта от артиллерии Прусской Императорской армии. Со смыкающимися от усталости глазами он из последних сил держался на взмыленном, до полусмерти загнанном коне, по широкой груди которого клочьями стекала набухшая белая пена. Натянув поводья и чуть приподнявшись в стремях, Лотар внимательно осмотрелся по сторонам.

Прямо перед ним лежал город. Из-за широкой каменной стены с четырьмя сторожевыми башнями на углах выглядывали парящие в небе остроконечные верхушки пагод и резная деревянная крыша Храма Небесной Гармонии.

На запад и восток от города, подобно двум вьющимся рукавам, отходила Длинная стена, петляя и теряясь в бурых вершинах бесконечной гряды крутых гор, поросших густым кустарником. Разрушенная, осыпавшаяся, просевшая от немолимого возраста и бесконечных песчаных бурь, она напоминала гигантский хвост сказочного дракона с темными проломами выпавших зубьев.

Бесчисленное множество жалких глинобитных мазанок лепилось к городу со всех сторон. За ними тянулись ровные, ухоженные, с ростками пробивающейся зелени огороды и поля. Они резко обрывались у каменных оврагов пересохших русел когда-то протекавших здесь рек. Далее брала свое начало безжизненная холодная китайская пустыня, теряющаяся в варварских северных просторах.

Возле распахнутых широко, словно зев исполинского красного дракона, ворот было многолюдно. Горбатые быки тянули в город тяжелые двухколесные телеги, груженные углем и хворостом. Одетые в невообразимо грязные рваные лохмотья нищие и калеки не давали прохода крепким крестьянам, толкающим свои доверху наполненные овощами и фруктами тачки. А в западные ворота погонщики вгоняли верблюжий караван купцов-сартов в цветастых халатах и белых чалмах. Они сопровождали свои знаменитые турфанские сухофрукты, зачастую просто прикрывающие более дорогой товар – афганский опиум. Домой обычно купцы возвращались с увесистыми хурджунами, наполненными ценными поделками из яшмы и нефрита. Копыта их резвых коней тонким пунктиром взбивали за собой фонтанчики пыли на извилистой ленте дороги, скоро теряющейся среди горных стен Хесийского коридора. Так именуется гигантский природный проход, соединяющий центральные провинции Китая с северо-западным, магометанским Синьцзяном. Бесконечная череда впадин и подъемов, благодатных долин, волшебных оазисов тянется по этому чуду мироздания добрую тысячу километров, с одной стороны вдоль северо-восточных предгорий Наньшанских гор, предвестников великих Гималаев, и осыпающихся под натиском песчаных бурь каменных скал Бэйшаньского нагорья с другой.

Людские потоки, стекающиеся от всех четырех городских ворот, соединялись на главной торговой улице. По обе стороны, стена к стене, соседствовали закусовые с выставленными на улицу жаровнями и пароварками, аптеки со всевозможными кореньями, высушенными ящерицами, пауками, перемолотыми в порошок рогами носорогов, антилоп и сибирских оленей. В огромных стеклянных банках, наполненных крепкой рисовой водкой, чернели клубки ядовитых змей. Время от времени настойку с помощью бамбуковых трубочек сливали в небольшие фарфоровые кувшины, и быстрые слуги торопливо уносили их своим обесилевшим хозяевам-сладоэстрастам для пополнения утраченной силы «чи».

Вдоль всей улицы не смолкало пение птиц. Мелкие степные жаворонки в просторных плетеных корзинах вытягивали такие сложные рулады, что восхищенные ценители птичьего пения смолкали и, прикрыв глаза, надолго погружались в звонкие трели.

Возле лавок с нефритовыми украшениями и благовониями скапливались в основном женщины-маньчжурки с набеленными лицами, высокими прическами, украшенными дорогими гребнями и цветами. Их роскошные яркие халаты-ципао из дорогого шелка вызывали откровенную зависть у простых ханьских женщин, одетых в грубые, бесформенные ватные кофты.

Съевшись под порывами пронизывающего до костей северного ветра, Лотар отвел взгляд от излучавшего тепло и сытость города. Теперь его взору предстала бесконечная серая пустыня с белесыми пятнами солончаков и комками желтоватых верблюжьих колючек. Под ярко-голубым небом и полу-

денным солнцем виднелся простор до самого горизонта, у северо-западной кромки которого вырисовывались лиловые очертания Наннаньских гор. На мгновение невеселые мысли охватили его: «Господи, как переменчива судьба. Как легко играет она нами. Сегодня преподносит тебе все сладости жизни, а завтра бросает в пропасть, где надо за них платить. Еще вчера мне подавали обеды из сорока блюд, стелили одеяла на лебяжьем пуху, я командовал тысячами солдат. А сегодня бегу, сам не зная куда, безо всякой уверенности, что удастся раздобыть хотя бы тарелку холодной похлебки и выспаться там, где есть немного тепла...»

Его мысли прервал не очередной порыв ветра, а взвившийся и мгновенно развеявшийся вдаль тонкий клубок сизого дыма. Он вырвался из купола сливающейся с темной землей войлочной юрты монгольского скотовода. Лотар встрепенулся, провел замерзшей ладонью по разгоряченному от мыслей лицу и, дернув поводья, направил в ту сторону свою измученную лошадь.

* * *

В это же время в Восточные ворота города-крепости Лияньчжоу въехал всадник в военной одежде. Он грубо расталкивал толпу, налево-направо размахивая нагайкой из сыромятной кожи с вплетенными в нее железными шариками. Городские стражники в синих курмах с белыми кругами на груди и пиками наперевес кинулись к грубияну. Однако приблизившись, остановились как вкопанные. На рукавах черного плаща красовались серебряные нити вышитых ястребов, а грудь украшала круглая желтая нашивка со львом, обшитая синей каймой. Это были атрибуты старшего офицера по особым поручениям. Стражники тут же стали своим оружием разгонять возмущающийся народ, расчищая путь всаднику. А тот прищипил коня и, гулко цокая копытами по вымощенной камнем улице, доскакал до центральных ворот городского ямыня, где его остановил вооруженный караул. Спешившись, он бросил поводья худому солдату с длинным фитильным ружьем на плече.

– Напой и накорми коня, – в голосе сразу почувствовался командирский тон. – А вы проводите меня в канцелярию уважаемого даотая Чжан Сяолуня. – Взгляд его едва скользнул по согнувшемуся в поклоне караульному унтер-офицеру.

– Высокоуважаемый даотай присутствует на казни преступников, господин офицер, – чуть приподняв голову, ответил караульный и вновь застыл в поклоне.

– Так ведите меня туда! – приказал офицер.

Городской ямынь занимал значительную часть города и был обнесен кирпичной стеной. Вглубь от входа по обе стороны вытянулись приземистые казармы местного гарнизона. Ряд пушек из тусклой меди на деревянных лафетах и пирамидки каменных ядер перед ними изображали высокую боевую готовность.

По соседству с казармами располагалась тюрьма. В последние годы заключенных стало так много, что для них не стало хватать камер. И тогда во внутреннем дворе, позаимствовав опыт кашгарских правителей из Синьцзяна, вырыли множество глубоких ям-зинданов, запирающихся сверху тяжелыми решетками. Дно ям застелили соломой. Но меняли ее крайне редко, и ямы, кроме того, что воняли до омерзения, кишели червями, вшами, пауками и прочей гадостью. Сквозь толстые кирпичные стены камер для пыток просачивались наружу дикие стоны и крики истязаемых преступников.

– На «железном коне» даже невинный младенец сознается, что он разбойник, – с довольной усмешкой заметил караульный унтер-офицер. Гонец

в ответ промолчал. Ему, маньчжурскому императорскому старшему офицеру, было ниже своего достоинства вступать в разговор с каким-то незнакомым ханьским унтером. Однако он знал и хорошо представлял себе это орудие пыток. Конь, хоть и назывался железным, был на самом деле деревянным. Но от шеи до крупа он был усеян остриями длинных кованых гвоздей. От одного его вида подкашивались ноги даже у матерых преступников.

Они молча миновали тюремные застенки, прошли мимо вечнозеленых самшитовых газонов с мраморными фонтанами и остановились у каменной лестницы, ведущей в Павильон Справедливости, который охраняли устрашающие изваяния львов и крепкие стражники в черно-синих боевых одеждах с не менее свирепыми лицами и длинными пиками в руках. Увидев офицера высокого ранга в сопровождении караульного, они тут же склонились в соответствующем поклоне.

– Господин офицер, на место казни вас проводят люди из охраны высокоуважаемого даотая, – учтиво предупредил караульный и, сказав несколько слов одному из стражников, удалился.

Казнь преступников происходила на городской площади Веселого огня. По праздникам здесь обычно запускали в воздух фейерверки, а бродячие артисты устраивали свои представления. Но уже несколько лет площадь служила местом казней. Народ, поначалу со страхом и любопытством толпами собиравшийся поглазеть на последние мучения других, очень скоро устал от них, и потому зевак в этот день собралось немного. Даотай Чжан-Сяолунь восседал в кресле за столом, покрытым красным шелком. Несмотря на императорский запрет, он был заядлым курильщиком опиума. Яд иссушил его, и лицо превратилось в подобие маски, обтянутой тонким кожаным пергаментом. Увидев офицера в сопровождении своих стражников, он взмахом руки остановил зачитывающего обвинение чиновника, поспешно поднялся и вышел навстречу.

– О, дорогой Тун Бао! Как я рад видеть вас! Мы стали так редко встречаться, – лицо-маска расплылось в радостной улыбке.

Офицер Тун Бао совершил несколько почтительных поклонов.

– Уважаемый даотай Чжан, какое счастье видеть вас снова! Служба не позволяет лишний раз заехать. Сегодня я по личному поручению вашего дяди.

– Как здоровье дяди? Не пострадал ли он во время боёв? – учтиво поинтересовался даотай.

– Основные бои после взятия Саньципу завершились. Все опасности миновали его. Он, как всегда, полон сил и энергии, – почтительно прозвучал ответ.

– Дорогой Тун Бао, вы, верно, устали с дороги и очень голодны. Я сейчас же прикажу, и вас отведут в мою резиденцию, – на лице-маске вытянулась учтивая улыбка, обнажив крупные желтые зубы.

Офицер Тун Бао выглядел бодро, словно не оставил позади себя целую тысячу ли пути. На круглом скуластом лице розовел румянец, признак хорошего здоровья.

– Уважаемый даотай Чжан, ваше благородное сердце преисполнено добротой и заботой. Но служение нашему великому императору превыше всего. Нам требуется немедленно распространить по городу приказ о поимке опасного преступника. – Он почтительно передал даотаю опечатанный свиток. – А я, если позволите, постою в стороне и дождусь окончания сей процедуры.

Даотай незамедлительно сорвал печать, внимательно прочитал и тут же передал свиток стоящему рядом чиновнику, грозно предупредив его о срочности и важности приказа. Затем обернулся к Тун Бао:

– Нет, нет. Вы сядете рядом со мной. Давайте поскорее покончим с этими изменниками и отправимся на обед.

Даотай приказал принести еще одно кресло, учтиво провел посланника генерала к столу, покрытому красным шелком, подождал, пока тот снял с головы кожаный шлем, усадил его и только затем вновь взмахнул рукой. Чиновник быстро зашевелил губами, дочитывая обвинение.

– Дунганские солдаты-дезертиры, – с презрением произнес даотай Чжан Сяолунь, – разбегаются из армии, как тараканы по щелям. О своем долге перед Сыном Неба совсем забыли. Только и твердят: «Грех своих братьев убивать».

– А свои кто? Жалкие мятежники и разбойники, неблагодарные изменники, посмевшие объявить нам джихад, – добавил Тун Бао.

– Очень верно подмечено, – поддакнул даотай, и на желтом пергаменте лица прорисовалась льстивая улыбка. – Вы знаете, как они называют свой джихад? Священной войной! – лицо мгновенно преобразилось в маску гнева и возмущения.

В это время шестерых приговоренных к смерти молодых дунган солдаты выволокли из деревянных клеток. По закону им поднесли свиное мясо и вино. Но они, несмотря на истощенность и муки голода, с презрением отвергли «нечистую» пищу. Солдаты вновь схватили их, протащили мимо толпы зевак и поставили на колени напротив даотая, в размокшую под солнцем грязь. Палач подошел поближе к осужденным, провел пальцем по сверкающему острию своего меча и повернулся в сторону даотая. Даотай Чжан поднял с красного стола флажок желтого цвета с вышитыми изречениями из императорского указа и три раза взмахнул им.

Народ и гарнизонные солдаты, с избытком насмотревшиеся казней, хорошо знали, как смертники ведут себя в последние моменты своей жизни: кто-то пытается еще раз вымолить себе пощаду, кто-то проклинает своих убийц, на кого-то нападает истерический смех или горький плач, но чаще всего люди безропотно и молча повинуются твердой руке палача.

Однако в этот раз неожиданно для всех несчастные сообща затагнули последнюю в их жизни предсмертную молитву. Слившись в единое, голос приобрел необычный оттенок. В нем не чувствовалось ни капли страха перед грядущей смертью, ни капли сожаления о молодой прожитой жизни. Даже напротив, общий голос крепчал, как побег каменеющего бамбука, как сталь кующегося клинка. Многим собравшимся даже показалось, что в их голосах слышатся звуки радости от скорой встречи с тем, кому они поклонялись с самого рождения. Молитва обреченных стала напоминать песню. Она заставила содрогнуться толпу. Мороз пробежал по коже зевак, словно их коснулись жар и холод преисподней. Железная рука палача слегка дрогнула, и он в растерянности взглянул на даотая. Лишь даотай Чжан и офицер Тун Бао сохраняли полное самообладание. Даотай еще раз взмахнул своим флажком, и солдаты, словно вернувшись из забытья, тотчас же резко склонили голову первой жертве, откинув в сторону свисающую плетеную косу, обнажив тонкую длинную шею. Шесть раз откидывались в сторону длинные косы, шесть раз взметалось и опускалось блестящее лезвие меча, пока не наступила тишина.

* * *

В управлении ямыня многочисленные чиновники в высоких черных шапках с разноцветными шариками на верхушке сновали по тесным проходам между комнатами, отделенными друг от друга деревянными перегородками. Каждый цвет шарика на шапке означал определенный чин и должность его носителя. Чиновник с красным шариком торопливо поднялся мимо стражи по ступеням Павильона Справедливости и вошел в комнату, где работали писцы.

– Срочное донесение! Немедленно размножить!

«За совершение особо опасного государственного преступления объявляется в розыск чужеземец по имени Ло-да Ла-нэ-го из варварской страны Германи...» – писцы быстро и усердно, четкими, разборчивыми почерками переписывали приказ на листы белой бумаги.

Вскоре глашатаи, громко ударяя в медные гонги, прикрепленные к длинным бамбуковым жердям, разносили и развешивали объявления о поимке по всем присутственным местам города.

«...Рост преступника чуть меньше шести чи*, лицо узкое, вытянутое, длиннее обычного, волосы на голове, а также усы и брови цвета спелой пшеницы. Концы усов завиты колечком. Нос узкий, острый, тонкий и длинный, как у птицы угод. Глаза большие, цвета синего неба, провалены глубоко, как в усохшем черепе...» – выразительно выкрикивал глашатай на рыночной площади.

– Вот урод! Родится же такое чудище на свет, – громко заметил крепкого сложения монгол по имени Мерген с узкими глазами на медном, вымерзшем от зимних ветров лице. На нем был засаленный зимний халат-дээл с косой застежкой. Пояс перехватывал широкий кушак, на голове красовалась потрепанная круглая шапка с лисьим хвостом.

– Эй, деревня, потише! Дай дослушать, – зацыкали на него зеваки из толпы.

«...За поимку государственного изменника будет выдана награда в тысячу лян серебром!» – продолжил глашатай.

– Сколько?! Тысячу лян?! – из доброго десятка глоток вырвался вопль удивления, сдобренный изрядной порцией недоверия.

– Тысячу лян серебра! – еще раз громко прокричал глашатай.

– Это тебе не двадцать лян за дунгана-дезертира, – повернулся к своему другу Мерген. – Видать, что-то очень серьезное натворил длинноносый.

– Э-эх, знать бы, где его искать, – слегка заплетающимся языком ответил Ундэс. Худой и жилистый, он был на голову выше Мергена.

– Надо к Дохор-шаману съездить.

– Потерял шаман чуйку. Что, забыл, куда последний раз отправил нас этот пес смердячий? Там не дезертиры, а целый батальон дунган-разбойников лагерь свой разбили. Еле ноги унесли.

– До этого он не ошибался.

– До этого он и «хитрой воды» меньше пил.

– Ладно, ночью по степи прогуляемся. Может, ветер что нашепчет. А сейчас пойдем, лучше выпьем еще по чашке вина, – Мерген влез рукой в верхнюю внутреннюю часть своего халата-дээла, которая являлась не чем иным, как одним большим надежным карманом. Монголы очень гордились этим изобретением. Ведь даже при самой дикой скачке из него ничего не выпадает.

– Хм-мм... У меня там пусто. А у тебя?

– У меня тоже пусто, – Ундэс несколько раз показательно похлопал ладонями по своему огромному карману.

– Мы что, все деньги спустили?

– Так всего-то двух дезертиров в ямынь сдали, а гуляем пятый день.

– Всё. Поехали в степь. Где коней оставили, помнишь? – напрягая память, спросил Мерген.

– Конечно, помню. Я ничего не забываю. Пошли, – уверенно ответил Ундэс. И они двинулись по оживленной улице в сторону Северных ворот, где находилось бесчисленное множество каменных столбов-привязей для лошадей.

Мерген и Ундэс, проходя мимо неприметного кабачка, не обратили бы на него никакого внимания. Но шустрый зазывала так ловко нахваливал теплое ароматное вино в деревянной кадлушке, что они замерли возле него.

– А в долг нальешь? – спросил Мерген, раздув ноздри и втягивая дурмящие пары, исходящие от кадушки.

Опытный зазывала хорошо знал, что монголы были большими выпивохами и охотниками до китайских девиц. Разгулявшись, они походили на диких степных жеребцов во время гона, а по утрам, спустив за ночь все деньги, словно нашкодившие, присмирившие дети, громко скулили и причитали, сваливая вину на бесчисленных коварных духов и демонов. Хозяин в таких случаях быстренько составлял долговую бумагу, для пущей важности заполняя ее красными чернилами, при этом не забывая напоминать о страшной долговой яме в городском ямыне. Наивные дети степей уже на следующий день стремглав неслись назад на своих низкорослых, с мохнатыми гривами лошадях, возвращая долг с накрученными процентами.

– Гуляй сегодня, плати завтра! Выпей чашку, выпей две, чтоб шумело в голове! – зазывала ловко зачерпнул и поднес полные чашки с вином обрадованным друзьям.

* * *

Конский топот насторожил ухо свернувшегося в дремоте под мягким мартовским солнцем огромного пастушьего волокодава. Он приподнялся, с зевом прогнул свое мощное, лохматое тело, хрипло пролаял и неспешно затрусил мимо отары отощавших за зиму овец навстречу невесте откуда появившемуся всаднику.

Приблизившись к всаднику, старый волкодав неожиданно замер, присел, неуклюже отпрыгнул в сторону и отрывистым, громким лаем дал знать хозяину в юрте о встрече с чем-то необычным. Такого странного человека пес встречал в своей жизни впервые. Не переставая отрывисто лаять, он проводил безразличного к нему всадника до юрты, где вышедший наружу хозяин просто замер в немом изумлении перед спешившимся на землю незнакомцем.

Чуть за пятьдесят, коренастый, на коротких крепких кривых ногах хозяин юрты монгольский арат Басан повидал в своей жизни много разного народу. Сколько раз гонял он овец на продажу в Пекин, на восток, вдоль Алашаньского хребта, через суровое Ордосское плато, нависшее над бесконечными изумрудными полями. Там на огромном, шумном скотном рынке он нещадно торговался с белошапочниками – так монголы называли между собой дунган – которые неохотно, но все-таки платили хорошие деньги за его отменных овец.

Среди базарного народа бродили слухи о неких длинноносых с белыми лицами, приплывавших по морю на огромных железных кораблях с трубами, из которых валил черный дым. Говорили, что это слуги дьявола, хитрость и коварство которых не имеет границ. Это они приучили народ Поднебесной к курению опиума, вывезли все серебряные деньги из страны и заразили продажных девиц страшными болезнями.

Однажды, после удачной сделки с компанией земляков, Басан отважился посетить известный бордель «Красный цветок», разместившийся по соседству с загонами для скота. Так вот, после того как он изрядно напился горячего сливового вина и потащился с напомаженной белилами девицей в комнату на втором этаже, ему преградила дорогу хозяйка, толстуха Цин.

– А ну-ка, штаны приспусти! – потребовала она. – Проверю, не большой ли. – Увидев удивление на лице Басана, она добавила: – Вот олух деревенский, ты что, про «болезнь гниющей сливы» не слышал? Не только корень, а и сам весь сгниешь, нос провалится, зубы вывалятся.

– Длинноносые чужеземцы ее к нам завезли, – уже в комнате дорассказала Басану напомаженная белилами девица. Это всё, что он знал о длинноносых. Живьем видеть их Басану не доводилось.

«Неужели это один из них? Что ему надо, и как он здесь оказался? Куда направляется?» – запрыгали тревожные мысли, нарушив обычную безмятежность, покоившуюся в его голове.

Однако сразу расспрашивать обо всем путника было бы верхом недружелюбия. Древний закон кочевников предписывал распахивать двери своего дома, окружать гостя теплом, едой, ночлегом. Путник сам за чашкой чая неспешно расскажет и о себе, и о других. Так Великая степь наполнилась новостями.

Выглянувшая из юрты Ойюн, жена Басана, мгновенно изменилась в лице, отступила назад и, наткнувшись спиной на высокую кладку из ватных одеял, тяжело присела на войлочную кошму. «Демон! Зачем этого демона Небесные духи наслали к нам? – завертелось в ее голове. То, что это демон, она не сомневалась. – Одежда у него невиданная, ни китайская, ни тангутская. Ну, а о внешности и говорить не стоит. Нос, глаза, волосы... Эх, поленилась в конце месяца, не поехала в кумирню Боян Го. Жалко было потратиться на свечи и благовония... Ну, ничего. Демона можно и задобрить...»

Она быстро пришла в себя, поднялась, отломилла увесистую плитку спрессованного в кирпич чая, подержала в горящих кизячных углях, пропитывая его ароматным дымом, бросила завариваться в котел с кипящей водой. На низком лаковом столике стали появляться угощения: густые сливки-каймак, катыши сухого овечьего сыра, блюдо с кусками холодной отварной баранины, приукрашенными сверху кубиками свежего курдючного сала. Из сундука появилась на свет семейная реликвия – дорогая чашка из резного дерева, вставленная в полусрез человеческого черепа со скрепами из чистого серебра.

«От такого угощения, да из такой посуды, подбодрит любой демон», – удовлетворенно подумала она, и ее лицо на миг просветлело.

– Чай пей, сила будет, – крепкий Басан с обветренным, темным лицом добавил в чашку свежего молока, сдобрил солью, курдючным салом и протянул ее Лотару.

Незнакомец, слегка склонив голову, принял чашку двумя вытянутыми руками.

– Благодарю вас, – проговорил он и отпил маленький глоток. – Очень необычный вкус. Вкусно, – добавил он и отпил глоток побольше. – И чашка интересная. Тонкая работа. – Слова произнес он по-ханьски. Так обычно говорят маньчжурские чиновники. И это слегка успокоило хозяев юрты.

«Значит, из образованных», – тут же подумал Басан. «Демоны на языке мандаринов не говорят. Значит, все-таки человек», – отлегло на сердце у Ойюн.

Басан прищуренным взглядом незаметно продолжал осматривать незнакомца. Остановился на одежде. Ничего подобного до сих пор он не видывал. «Странная, необычного покроя черная куртка с нашитыми золотыми наворотами на плечах; на груди застегнута медными кругляками; штаны несуразные, в обтяжку, в лютый мороз в таких околеешь сразу же. А вот сапоги до колен, на высоком каблучке, это вещь. Хоть по росе, хоть по песку. И выделка кожи отменная. Гладкая, как нефритовый камень. Не то что наша сыромятина. Кто же такой? И откуда? Почему лошадь загнал? Бежал от кого-то, значит. Но это меня не касается. Я должен блюсти наш обычай гостеприимства».

Басан дождался, когда Лотар с жадностью допил чай и поставил чашку перед собой.

– Кто ты, откуда и куда путь держишь? – все-таки любопытство взяло вверх.

Не успел Лотар открыть рот, как вмешалась Ойюн:

– Гость не будет сыт словами. Дай мясо, пусть поест. А затем лезь со своими расспросами.

Басан вздохнул. Взял с блюда крупный кусок мяса на кости и протянул Лотару.

– Спасибо, – с благодарностью принял кость Лотар и, еле сдерживая инстинкты, чтобы не зарычать подобно оголодавшему зверю, с величайшим удовольствием вонзил свои зубы в ароматное холодное мясо.

– Меня зовут Лотар. Я приехал сюда издалека. Моя страна называется Германия, – проглотив первую порцию, начал говорить Лотар.

– И сколько дней до нее, если ехать не спеша? – сразу же заинтересовался Басан.

– Я шел по морю на корабле до Гонконга, это на юге, две полные луны и еще пятнадцать дней. По суше даже не знаю.

Расстояние до родины Лотара, видимо, произвело на Басана сильное впечатление.

– А сколько у тебя дома лошадей и верблюдов? – задал самый обычный для кочевников вопрос Басан.

Лотар замешкался. Он вырос в известном Доме для сирот, благословенным самим Фридрихом Великим, в уютном Потсдаме. Кроме рыжего ленивого кота, дозволенного обитать в его комнате в качестве поощрения за хорошую учебу, Лотар не имел никакой живности. Так и кот давным-давно окошел.

– У меня нет своего хозяйства. Я офицер. Военный. Лошадей у нас в армии много. Но они... тоже на службе. А вот верблюдов вовсе нет.

Басан не мог себе представить, чтобы военный офицер не имел табунов лошадей, а по просторам его родины не бродили стада верблюдов. Что ж это за страна такая бедная и несчастная, подумалось ему, и некоторое удивление вперемежку с жалостью, которое обычно возникает при встрече порядочного, но в чем-то неполноценного человека, обозначились на лице монгольского скотовода.

– Ойюн, раскури трубку для гостя, – бросил он жене. А сам протянул руку и достал со стола желтую тыквянку, закупоренную деревянной затычкой на кожаном шнурке. Откупорив ее, он наполнил мелкие чашки мутноватой монгольской водкой-аракой и двумя руками протянул сначала гостю, затем жене.

– Спасибо, – вежливо принял чашку с водкой Лотар. – Мне довелось служить вместе с полковником Дархан-Баатором, и он рассказывал мне о гостеприимстве вашего народа. Теперь я воочию могу в этом убедиться.

Лицо Басана расплылось в довольной улыбке:

– Ойюн, ты слышала, он знаком с самим полковником Дархан-Баатором. Это правда, что ни стрела, ни пуля не берет его?

– Да, это так. Я видел его после самых тяжелых боев. Никогда ни одной царапины.

– Полковник – настоящий воин. Такие редко рождаются, – Басан с удовольствием опрокинул в себя чашку.

Монгольская водка, в отличие от пахучей рисовой китайской, издревле выгоняется исключительно из кислого молока, не бьет в нос, имеет приятный чуть сладковатый вкус. «Пьешь – не замечаешь, встаешь – ноги не держат». В народе ей неспроста дали имя «хитрая вода».

После обязательной третьей чашки водки жена благоговейно передала мужу длинную раскуренную трубку. Обслюнявив мундштук, Басан слегка прикрыл глаза и сделал затяжку. Свернув толстые губы колечком, он выпустил струю дыма в сторону Лотара и затем, с выражением блаженства на лице, передал дымящуюся трубку ему в руки.

«Отказаться – значит оскорбить хозяина», – за время своего пребывания в Поднебесной Лотар быстро и с удовольствием осваивал китайские правила

хорошего тона, и теперь они ему явно пригождались. Учтиво вытянув руки, он принял трубку.

– Прекрасный табак, – в свою очередь, выпустив клуб дыма по направлению к хозяину юрты, сказал Лотар и вернул трубку назад.

Неожиданное тепло, накопившаяся усталость, сытная пища, водка и затяжка табака стали наваливаться на него, как тяжелые мешки на ослабевшего грузчика, и Лотар уже с трудом удерживал глаза открытыми.

– А что произошло с вами? Как вы оказались здесь? – не унимался Басан.

– Ты что, не видишь, гость устал, – его вновь перебила Ойюн.

– Да-да... Что произошло?... – глаза Лотара сомкнулись, голова упала на грудь, затем встрепенулась, приподнялась. – Он ведь слово дал... Слово офицера... – простонал Лотар на немецком и, крепко стиснув зубы, стал медленно заваливаться на бок.

* * *

После казни головы дунганских солдат с еще капающей кровью насадили на длинные бамбуковые шесты и установили рядом со сморщенными, уже усохшими головами других преступников. Через короткое время мимо засновали прохожие, не обращая на них ни малейшего внимания.

Даотай Чжан Сяолунь пригласил офицера Тун Бао в свой паланкин. Церемонимейстер привстал на стременах, окинул взглядом процессию, издал гортанный крик, обозначающий готовность, и взмахнул флажком. Тут же забили в барабаны, извещая о проезде высокого вельможи, вооруженная пиками стража двинулась спереди, расчищая путь. Восемь крепких носильщиков плавно понесли паланкин назад в ямынь, где позади павильона Небесной Справедливости располагалась личная резиденция даотая. Простолюдины молча сдвигались в сторону, прижимаясь к глиняным заборам на узких грязных улочках города.

– Если хочешь посекретничать, то нет лучшего места, – даотай обвел руками свой роскошный, украшенный тонкой резьбой и дорогим шелком паланкин.

– Вы уверены, что они нас не слышат? – откинув полог и глянув на мелькающие полусогнутые ноги носильщиков, спросил Тун Бао.

– Абсолютно, – уверенно ответил даотай. – Мы затыкаем им уши восковыми пробками. Поэтому можете смело рассказывать о цели вашего приезда.

– Я привез приказ о поимке заморского черта, – негромко произнес офицер.

– Будьте уверены, он уже размножен и развешан по всему городу... Если преступник окажется в наших краях, то схватить его не составит большого труда. Мимо нас змея не проползет, мышь не прошмыгнет, воробей не пролетит. Возьмем живым-целехоньким и доставим в Пекин, – хвастливо заявил даотай.

– Всё дело в том и заключается, что живым он не нужен. Я лично должен снести ему голову.

– Неполное выполнение императорского приказа имеет несколько классов наказания, – продемонстрировал знание законов даотай.

– Это просьба вашего дяди, генерала Мао Хунлиня!

– Ну, это меняет дело. Вы же знаете, что ради дяди я готов на всё.

– Другого ответа дядя и не ожидал. Он уверен, что беглец попытается пройти здесь, через Хесийский коридор, чтобы добраться до Кульджи. Там он наверняка обратится к русским.

– Однако почему в Кульджу? В Урге тоже полно русских, – с легким удивлением спросил даотай.

– Путь на Ургу проходит через монгольские и калмыцкие стойбища. Они – наши верные друзья. Схватят и сдадут в ямынь. А стоит пройти Хеси, как кру-

гом окажутся те же дунгане. Эти сами доведут до русских, – со знанием дела высказался Тун Бао.

– И ведь действительно так, – согласился даотай. Затем добавил: – Способность дяди верно вычислять ходы преступников всегда удивляла меня. Я не сомневаюсь, что вскоре мы отловим злодея. Правда, не считите это праздным любопытством, а какое преступление совершил длинноносый?

– Он пытался убить нашего уважаемого генерала Мао. Лишь благодаря храбрости его личной охраны ваш дядя остался в живых.

– Какой мерзавец! Он заслуживает казни первого класса – медленного разрезания на сто двадцать кусков.

– И даже это будет слишком гуманно.

– Но как он оказался возле дяди?

– Вы знаете, генерал Мао, наряду с другими выдающимися качествами, обладает и необычайной прозорливостью. Он первым понял, что нашей непобедимой армии нужны новые пушки. Великий князь Гун поддержал и поручил лично ему произвести закупку самых лучших на земле пушек. Коварные английские дьяволы прознали про это и решили подsunуть свой негодий, устаревший товар.

– Уверен, без помощи советника Сун Личжуна тут явно не обошлось.

– Как хорошо вы знаете дворцовые интриги... Именно так и было. Советник Сун не мог себе простить, что сам не додумался до этой идеи. А затем решил с помощью англичан на этом просто подзаработать. Но генерал Мао к тому времени знал, что лучшие пушки изготавливают в стране под названием Германия. Он отмел предложение лживых англичан, чем еще сильнее подпортил отношения с советником Суном, и заказал в заморской Германии пробную партию из ста двадцати орудий. Так вот, приобретаая новый товар, необходимо знать, как им правильно пользоваться. Наши пушкарки оказались совсем никудышными, и пришлось вызывать чужеземного наставника.

– Заморский черт...

– Да. Подлый изменник и преступник...

– Но почему он решился на убийство генерала?

– Этим он поделится с нами перед своей смертью.

– А была ли от него хоть какая-то польза?

– Несомненная. Несмотря на все свое дьявольское омерзение, он оказался хорошим учителем. Я даже скажу больше. То, что умеет он, не под силу повторить кому-либо. Однако это не умаляет его злодеяния.

– Никоим образом. И вы, дорогой Тун Бао, лично отвезете его голову моему дорогому дяде. Я обещаю.

Слова даотая прозвучали столь убедительно, что ему самому в них поверилось, и на его лице застыла маска полнейшего удовлетворения и радости, словно он уже держал в руках отрубленную голову несчастного Лотара.

Остаток пути прошел в торжественном молчании под несмолкающий грохот барабанов, пока его не перебил громкий, гортанный крик церемониймейстера. Наступила тишина, паланкин мягко опустился на землю, шелковый полог распахнулся, и вельможные гости, поддерживаемые под руки слугами, двинулись по каменной лестнице в роскошную резиденцию даотая. Вдоль лестницы, склонившись в поклоне, стояли начальник охраны, командир гарнизона, личный врач, начальник канцелярии и еще два чиновника высокого ранга. Вслед за гостями они прошли в обеденный зал, где их ожидал стол с угощением из шестидесяти блюд, а слух ублажали тонкие звуки, извлекаемые из старинных лютней.

Тун Бао довольно равнодушно отнесся к деликатесам из ласточкиных гнезд, трепангов, акульих плавников, побегов одуванчика, молодых отростков

бамбука, корней лотоса и еще двенадцати видов маринованных овощей. А вот запеченное в уйгурском тандыре филе косули, замаринованное в соусе из волчьих ягод, и тушеные в горных травах тестикулы тибетского яка пришлись ему явно по вкусу. Он стал громко причмокивать толстыми обмасленными губами, вытирая их рукавом халата. «Маньчжуры – что монголы. Им всё вкусно, если это мясо», – подумал про себя даотай, подхватив палочками из слоновой кости кружочек острой, пахучей редьки. Высохший, как ветвь саксаула, он ел очень мало, тщательно и задумчиво пережевывая пищу. К его удивлению, Тун Бао с аппетитом выел заметный кусок от целиком зажаренной речной рыбы с хрустящей золотистой корочкой на подушке из майского эстрагона. «Надо же, приучился есть рыбу у нашего брата», – промелькнуло в голове даотая. Он, как и большинство ханьцев, тихо ненавидел маньчжуров. В последнее время ему всё чаще стали приходиться в голову крамольные мысли о несправедливости, царящей в Поднебесной. «Как же так? Горстка маньчжуров вот уже триста лет правит нашим огромным народом. Если бы они находились на более высокой ступени развития, то склонить голову пред ними было бы не зазорно. Но это обыкновенные варвары, которые переняли у нас всё самое лучшее и теперь считают себя вправе поглядывать на нас свысока. Бездарные ученики, которые пытаются учить жить своих учителей. Как печально...»

Тун Бао, время от времени кидающий взгляд на даотая, видел лишь маску любезности. Что скрывалось за этой маской, ему было невдомек. Он опрокинул очередную чашку ароматного вина из плодов личи и из последних сил накинуду на пахнущую полынь-травой вареную баранину.

Вскоре за столом раздалась столь звучная отрыжка, извергнувшаяся из чрева Тун Бао, что все присутствующие поневоле вздрогнули. Насытившийся посланец генерала широко открыл рот и толстыми пальцами стал тщательно выковыривать остатки пищи, застрявшей между крупными желтыми зубами.

– Позвольте узнать, кто так искусно играет на лютях? – вытащив пальцы изо рта, спросил Тун Бао.

Даотай вместо ответа взмахнул рукой, и слуга ловко откинул расшитый летящими журавлями занавес в сторону. Четыре молоденькие певички с белыми лицами и высокими черными бровями сидели на черно-красных лакированных стульях и, склонив набок головы, перебирали струны.

– Какие красавицы, – не сдержал своего восхищения Тун Бао.

– Правда, хороши, – согласился даотай. – А сейчас вы увидите танцующих фей Турфана. Их прислал мне в подарок правитель Кашгара. – Он подал знак, и из распахнутых в углу дверей в зал вбежали несколько танцовщиц в ярких, цветастых платьях с множеством тонко заплетенных косичек, свисающих из-под расшитых бисером бархатных шапочек. У одной в руках был кожаный бубен, обрамленный мелкими металлическими кольцами. Длинными пальцами она ритмично забила в него, потряхивая и время от времени ловко подкидывая свой инструмент в воздух. Танцовщицы пустились в пляс, изящно выгибая стан, руки и тонкие белые шеи. Даотай заметил похотливый взгляд в глазах маньчжурского офицера. «Какое крепкое животное... Такую дорогу оставил позади себя и еще готов сразиться с моими красотками», – подумал он про себя, удивляясь выносливости Тун Бао.

* * *

Ранней весной ночь быстро накрывает степь. Едва исчезнет за горизонтом полоса багрового заката, как на черном небе наперегонки вспыхивают букеты мерцающих звезд. Протыкает где-то в высохшей балке тощий шакал, словно

подавая сигнал о наступлении ночи, и степь до утра наполняется пугающими душу звуками и шорохами. Так же быстро и светает. Чуть полыхнет заря по притихшей степи, и тут же птичье многоголосье разгоняет сумрачные страхи.

В предрассветном холоде Мерген с Ундэсом ехали по степи в унылом настроении. «Ели, пили, веселились – посчитали, прослезились», – никак лучше этой народной мудрости не сказать о забывших в пьяном угаре всё и вся друзьях.

– Ундэс, где же мы ему до завтра столько денег раздобудем? – нарушил тишину голос Мергена.

Ундэс ответил не сразу. Он вспоминал прошедшую ночь: «А каким хитройгой-то оказался хозяин кабачка. Дождался, когда мы превратимся в мотыльков, порхающих в поисках нектара, и подтянул своих красавиц крашенных. Правда, хороши они на самом-то деле были. Но сейчас о них и думать не хочется. Чем расплачиваться? Сколько там мы задолжали? Сорок лян серебра? Ничего себе...»

– Посидим в засаде в Лисьей балке. Может, возьмем пару дунганских дезертиров, – через какое-то время ответил Ундэс.

– А если не повезет?

– Овец угоним. Саларам сдадим... Или коней калмыкам.

– Да хоть что. Только не в долговую яму.

Неожиданно они заметили темнеющую вдаль юрту.

– Вроде юрта Басана, – предположил Мерген. – Давай туда. Может, он кого в степи видел?

Завязывая поводья к привязи, внимательный Мерген обратил внимание на понуро стоящую загнанную лошадь.

– Кто это так коня замучил? – удивленно бросил он Ундэсу. Монголы очень трепетно относились к своим лошадям и старались никогда не загонять их до полусмерти. Они подошли к Басану, разделяющему свежую тушу овцы.

Басан, чуть кряхтя, поднялся на свои кривые ноги. Он хорошо знал обоих и не очень жаловал их у себя дома. Тем не менее, они вежливо обменялись легкими поклонами.

– Как поживаешь, уважаемый Басан? Что за дорогой гость у тебя дома? – с нескрываемым любопытством спросил Мерген.

– О-оо, это не простой гость. Он офицер. Вместе с самим Дархан-Баатором воевал.

– О-оо! И кто ж это такой?

– Имени я его так и не запомнил. Ойюн, ты не помнишь, как гостя зовут? – спросил он подошедшую жену.

– Да разве запомнишь варварское имя? Он же чужеземец.

– Что?! Чужеземец?! – в один голос воскликнули Мерген и Ундэс. – Где он? – спросил Мерген.

– Спит, – ответила Ойюн. – Как убитый. Уснул до заката, за всю ночь не шелухнулся ни разу. А поначалу вообще чуть не до смерти напугал меня. Подумала, демона занесло. Нет, все-таки человеком оказался, – поделилась она вдогонку своими страхами.

– Пойдем, глянем! – Мерген схватил Ундэса за рукав и, осторожно ступая, потянул его за собой.

Через мгновение, так же бесшумно ступая, они вышли из юрты.

– Волосы, как пшеница... – прошептал Ундэс.

– Нос длинный. На удода похож... – добавил Мерген.

На их лицах и следа не осталось от усталости и перепоя. Они возбужденно дышали, будто степные борцы перед решающим туром.

– Что вы там бормочете? – заинтересовался Басан, отделяя ножом крупную кость.

– Повезло так повезло. Наконец-то... – просто сиял и ликовал Мерген. – Басан, за него награду дают. Тысячу лян серебром!.. Ундэс, тащи быстрее аркан.

– Э-эй, вы чего задумали? – всполошился Басан.

– Басан, ты знаешь, кто это?

– Он не успел о себе рассказать.

– Так слушай. Это государственный преступник. Его ищут по всей Поднебесной, а он у тебя в юрте спит.

– Так он мой гость! Как я могу его выдать?! Такой позор на меня ляжет.

Мерген хорошо знал, что Басан глубоко чтит законы и обычаи, установленные самим Чингисханом для обитателей Великой степи. Предать, выдать гостя – считалось несмыслимым позором. Но старый дурень, верно, забыл, что сейчас другие времена.

– Басан, он преступник. Если узнают, что ты его укрываешь, тебя казнят. И Ойюн тоже. Головы отрубят и вывешат на рынке, как пустые тыквы на просушку.

Знал Мерген, чем припугнуть Басана. Ведь мало чего на свете боится монгол. Лишь две вещи нагоняют на него неопишущий ужас: гроза в степи и страх лишиться головы. Если от грозы еще можно найти убежище, то без головы никаких шансов заново переродиться. И обречена душа тогда на вечные скитания в удушливой тьме среди духов и демонов.

– Ой-ой! – запричитал Басан. Ему совсем не хотелось расставаться с головой. – Мерген, Ундэс, давайте отпустим его. Никто не узнает. Ведь кроме нас здесь никого нет, – предложил Басан.

– Ты что, забыл? В степи и ветер слухи разносит, – хитро ответил Мерген.

– Не забывайте, дурные поступки всегда возвращаются назад, – не сдавался Басан.

– Вот мы и посмотрим, так ли это. Правда, Ундэс?

– Правда. Только почему наши поступки дурные? Что по закону, то правильно, – Ундэс в нетерпении поигрывал арканом.

– Ах вы, рыбы морды! Ничего святого! Духи обязательно накажут вас, – плюнула им под ноги Ойюн.

– Вот олухи, вы думаете, мы так боимся духов, что откажемся от тысячи лян? Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Ундэс.

Громкий смех Ундэса разбудил Лотара. Провалившемуся словно в глубокую черную пропасть, Лотару всю ночь ничего не снилось. А под утро вдруг очутился он в любимом парке Сан-Сусси. Воздух наполняли звуки вальса недавно вошедшего в моду венского композитора Штрауса. Однако вместо звона медных тарелок почему-то всё время кто-то невпопад бил колотушкой в кожаный барабан. Вдоль тенистых аллей стояли странные статуи, где места нимф и богов заняли китайские вельможи и придворные дамы в ярких дорогих платьях-ципао. Среди степенно прогуливающихся немецких дам и кавалеров мелькнула стройная фигурка его бывшей возлюбленной фрау Марты Экхард с белым зонтиком в руках. Но Лотар не мог ни окликнуть ее, ни побежать ей вслед. Вместе с мелкими, худыми солдатами в синих курмах он изо всех сил пытался удержать крепостную пушку, стоящую на огромных колесах и норовящую скатиться по ступеням широкой террасной лестницы и смять по пути сидящих в черных фраках музыкантов со сверкающими на солнце инструментами, и разнести вдребезги фонтан, в котором, с шумом втягивая в себя воду и кривя толстыми губами, утоляло жажду стадо рыжих верблюдов. Неожиданно китайские солдаты, удерживающие пушку, стали громко ругаться между со-

бой почему-то на непонятном ему монгольском языке. Их хватка слабела, и к его величайшему ужасу пушка вырвалась из рук и бесшумно покатила вниз. Один из солдат, показывая на нее пальцем и вытаращив глаза, стал громко смеяться.

– Держать! Держать!.. – громко, по-немецки отдал последний приказ Лотар и очнулся.

Открыв глаза, он увидел в круглом отверстии на войлочном потолке яркое синее небо. «Господи, какая радость!» – тут же выкинув из головы утренний кошмар и глубоко вдохнув-выдохнув, он по привычке резко вскочил на ноги. В юрте по-прежнему тлел очаг, но вокруг было пусто. «Что день грядущий мне готовит?» – мелькнуло в голове, прежде чем он откинул войлочный полог и вышел наружу.

Глава вторая

Вблизи города-крепости Лияньчжоу

Этим же утром, едва над сизым степным горизонтом засветилась алая полоска зари, звонкое пение поднявшихся в небо жаворонков перебили звуки азана. Невесть откуда несся высокий голос муэдзина, призывающий своих единоверцев к утреннему намазу. Вскоре многотысячный хор голосов вторил раз за разом славу Всевышнему. Звуки молитвы, подобно волнам, расходились над холодной землей, докатываясь до самых дальних кочевий монгольских аратов. Проснувшихся суеверных обитателей степи охватил страх и ужас. Им казалось, что духи и демоны вырвались из запечатанных хранилищ, затрубили в рога и вот-вот ворвутся к ним, сея смерть и беды. По кочевьям понеслось: «Дунгане! Угоняйте скот! Спасайтесь!» Монголы, верные союзники маньчжуров, хорошо знали, что встреча с повстанцами-дунганями не сулила им ничего хорошего. Они, подобно степному пожару, не оставляли ничего живого на своем пути.

Ржание и топот коней, скрип деревянных колес, мычание коров, блеяние овец и людской гомон заполнили степь от края до края. Со времен Хубилая, покорителя Китая, внука великого Чингизхана, не протекал по этим местам столь многочисленный людской поток. Крепкие кони неторопливо тянули тяжелые повозки с домашним скарбом: чугунными котлами, деревянными столиками для еды, сундуками, огородным инструментом, мешками с зерном. Поверх груза приютились перевязанные окровавленными тряпками раненые бойцы, немощные старики, дети и беременные женщины. Рядом на привязи вели запасных лошадей, подростки гнали стада овец и коров. Людей было тысячи. Десятки тысяч. Страдание, отчаяние, смятение, растерянность и страх отпечатались на их лицах. Они шли покорно, безропотно и безоглядно, доверив свои жизни двум людям: знаменитому командиру Эбду, по прозвищу Зеленый Вихрь, и ахуну Ма Шинло. Обычно так люди вручают свои судьбы в руки капитана корабля, попавшего в страшную бурю.

Зеленый Вихрь на рыжем коне с белой гривой неспешно ехал в окружении командиров, возглавлявших последние пять из восемнадцати Великих батальонов. Ему было тридцать. Многочисленные шрамы словно сшивали высокий лоб со смуглыми, широкими скулами. Густые брови прикрывали острый взгляд черных глаз. Крупный нос с легкой горбинкой нависал над плотно сжатыми обветренными губами и крепким, волевым подбородком. Мощные плечи и широкая грудь распирала стеганую, ватную куртку. Ему не было равных ни в рукопашном поединке, ни во владении основными девятью боевыми орудиями. В боях он с легкостью сворачивал противникам шеи и нанизывал их на свой меч с нефритовой рукояткой, как цыплят на вертел. Прямой, без лу-

кавства взгляд имел удивительную способность заставлять собеседника либо говорить правду, либо прибегать ко лжи, которая тут же им выявлялась, как грязь под солнечными лучами. Он не терпел ханжества, не оправдывался за поступки и не повторял ошибок. Глубоко убежденный, что Аллах знает, видит и слышит каждый поступок человека на земле, он жил так, что мерилом его действий были добро и зло, которые он определял и выверял своей совестью. Зеленый Вихрь воевал против маньчжуров уже долгих девять лет. Цена за его голову росла с каждым годом и теперь равнялась небывалым ста тысячам лян серебра. Дороже оценивалась лишь голова Небесного Князя Хун Сюцюаня, вождя тайпинов, принявшего смертельный яд семь лет назад.

Ахун Ма Щинло в темно-зеленом халате сидел на гнедом коне. Его голову обвивала белая чалма, из-под которой выглядывало мелкое, осунувшееся, испещренное сетью морщин лицо со впалыми от усталости скулами. За последние месяцы он постарел по крайней мере на добрый десяток лет. Редкая борода поседела, когда-то гладкий, выпирающий из-под кушака живот теперь глубоко втянулся, и полосатый сартский халат сидел на нем довольно мешковато. А ему не было еще и сорока. Он задумчиво глядел в бурю степную даль. «На земле много причин, срывающих людей с насиженных мест и теснящих их в неизвестность. Люди бегут от страшных землетрясений, разваливающих их жилища, извергающегося вулкана, кипящей лавой заливающего плодородные поля, от чумы, без разбора отнимающей родных и близких, бегут от голода, вызванного засухой или нашествием саранчи, бегут от войн, когда чужеземный враг нападает, чтобы поживиться твоим богатством, вырезать род мужской и угнать в плен дочерей, сестер, жен. А почему и куда бежим мы? Почему вчерашние соседи, с которыми мы мирно жили сотни лет, напали на нас? Император, которому мы верно служили из поколения в поколение, истребляет свой народ? Когда обретем мы снова мир и покой?» – Ма Щинло тяжело вздохнул. Он первым в провинции Ганьсу поддержал призыв своего дяди, шейха Ма Вэйдуна, к священному джихаду против неверных маньчжуров. С тех пор его окружали кровь и пот, грязь и вонь, голод и скитания. Он никак не мог привыкнуть к войне. «А вот этот рожден, чтобы воевать», – глядя на Зеленого Вихря, подумал про себя Ма Щинло. В то, что Небесные силы наделяют людей способностями уже при рождении, он верил так же свято, как и в то, что все дела человека известны Аллаху заранее и записаны в Книге Судеб.

Позади вождей двигались уцелевшие остатки дунганской повстанческой армии. Черные и зеленые знамена развевались над головами бойцов, покрытых белыми или черными шапочками-ермолками. Из-под них уже давно не свисали типичные для мужчин всего Китая длинные плетеные косы. Повстанцы обривались наголо, прекрасно осознавая, что, попав в плен, их ждет неминуемая смерть. Таков был маньчжурский закон за отказ носить косы. Но смерть их уже давно не страшила.

За спинами всадников висели старинные фитильные ружья, изогнутые луки, с колчанами оперенных стрел, и лишь изредка виднелись скорострельные заморские винтовки. К пестрым поясам, опоясывающим толстые ватные халаты, крепились ножны с широкими китайскими мечами. Цветные ленты (у каждого батальона свой раскрас) обтягивали плечи. Поперек седел лежали длинные бамбуковые пики с острыми железными наконечниками, украшенными султанами из конских волос.

Растянувшийся на многие километры людской поток замыкали два отряда. Один состоял из молодых, крепких воинов-шахидов со знаменем, на котором серебрилась арабской вязью надпись-шахада: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк его». Почти на каждом бойце виднелась окровав-

ленная повязка. Шахиды имели одну единственную привилегию – первыми вступать в бой.

Бойцы другого арьергардного, пушкарского отряда, выглядели целехонькими, постарше возрастом и веселее нравом. Уложенные на повозки старинные медные пушки на деревянных подставках-лафетах по калибру не сильно различались от гигантских фитильных ружей, лежащих рядом. Ни на тех, ни на других не было никаких прицельных устройств. Да и о такой науке, как баллистика, никто из них не ведал ни сном ни духом. Всё делалось на глазок. Главное – побольше шума извергнуть, чтоб враг боялся. Ну, а куда залетит ядро или пуля, несет ли кому голову, или грудь прошибет – так это на усмотрение Всевышнего.

Мерное движение людской массы нарушил посыльный от бойцов авангарда, на полном скаку подлетевший к Зеленому Вихрю и ахуну Ма Щинло:

– Брат Эбду, ахун, впереди Лияньчжоу, большой город. Там крупный гарнизон. Возможна засада. Разведка просит сделать привал, пока не прояснит обстановку.

Ахун вопросительно взглянул на Эбду. Они с полуслова понимали друг друга и четко разделяли свои обязанности. Воевать – дело Эбду. Заботиться о душах – святая обязанность имама.

– Вот и добрались до него, – пробормотал про себя Зеленый Вихрь и тяжело вздохнул. «За городом начинается этот чертов Хесийский коридор. Как же пройти его без потерь?» – всё последнее время эта мысль буравила голову Зеленого Вихря, не отпускала ни на минуту. Он повернулся к командирам батальонов.

– Объявить привал! – громко прозвучал его голос.

– Привал! Привал! – волнами понеслась команда по людскому морю.

– Муса, – обратился он к своему помощнику, темнолицему гиганту по прозвищу Кривошей, – есть новости от брата Лосана?

– Он должен ждать нас у засохшего родника.

– Едем к нему.

Дунгане, подобно ханьцам, любили добавлять к именам прозвища. Они могли быть самыми разными: смешными, обидными, забавными, но всегда точными и прилипали, как тисненая печать к бумаге. Кривошей совсем не обижался, когда его так звали, лишь строил свирепое выражение на своем простоватом, плоском, как блин, лице. Он командовал особым отрядом из ста бойцов, называвшихся «неприметными». Так прозвали их, потому что они ходили на тени в пасмурную погоду. Вести разведку под носом у врага, выслеживать, похищать, убивать, тихо, бесшумно и бесследно – такова была их работа. Когда погибали одни, на смену им приходили новые. Бессмертным в этом отряде оставался лишь он один...

* * *

1861 год. Провинция Шэньси

...Закадычные, не разлей вода друзья Эбду и Муса жили в большой старинной дунганской деревне с красивым названием Небесные тополя. Она располагалась на северном берегу реки Вэй и словно пряталась за стеной из высоких, играющих серебристыми листьями тополей. Когда-то посреди деревни плескал ключевой водой большой пруд. Из-за темной воды его прозвали Черным. Лет сто назад, в течение двух небывало жарких летних сезонов, он взял да и высох, обнажив илистое дно, издававшее ужасающее зловоние. Жители, недолго думая, засыпали его землей, утрамбовали, разровняли. Так появи-

лась просторная рыночная площадь, которая сразу же стала широко известной и куда с удовольствием приезжали торговцы из самых дальних селений.

Отец Мусы имел собственную лодочную переправу с двенадцатью лодками. Работы и хорошего заработка хватало на всю многочисленную семью. Муса считался выгодным женихом и потому слегка тянул с выбором невесты. Но совсем недавно он присмотрел на переправе скромницу, поразившую его наповал. Он быстро навел о ней справки и в один из дней появился у Эбду с широкой сияющей улыбкой на лице.

– Всё. Женюсь, – с ходу провозгласил он.

– Ну, наконец-то. И кто она? – спросил Эбду, расставляя по местам учебные пики, мечи, молоты и прочее оружие в просторном дворе школы мусульманского ушу, много поколений принадлежавшей их семье.

– Дочь Мугазы, прислужника в мечети.

– Сваатов уже послали? – аккуратно расправляя красную кисть на бамбуковой пике, поинтересовался Эбду.

– Нет. Я еще родителям ничего не сказал.

– Смотри, созревший персик на ветке долго не висит. Не успеешь, другие сорвут, – изрек Эбду.

– Мудрец-самоучка. Ты-то откуда такое знаешь? – в улыбке раскосые глаза Мусы превратились совсем в узкие щелочки.

– Книжки читаю.

– А ты разве умеешь?

– Научился.

– Молодец. А я... Ахун говорит, главное Коран наизусть вызубрить...

– Правильно говорит.

– А иероглифы писать научился?

– Учусь потихоньку.

– Сам жениться когда будешь-то?

– Как только сдам экзамены на наставника. Много еще премудростей освоить надо.

– А... чуть не забыл. У вас на вывеске краска стерлась.

Эбду вышел вместе с Мусой на улицу. И правда. Размашистые, как бойцы наизготовку, серебристые иероглифы: «Школа боевого мастерства “Зеленый Вихрь”» на черной лаковой вывеске оказались побитыми недавним градом и выглядели теперь словно покалеченные воины.

Едва друзья вынесли наружу лестницу и краски, как на окраине деревни неожиданно раздался шум, прогремело несколько ружейных выстрелов. Слово из-под земли выросла огромная толпа вооруженных «длинноволосых». Так прозвали повстанцев-тайпинов. Впереди себя они несли сколоченный из жердей крест с фигуркой распятого мученика. А на белом боевом знамени было изображено его лицо: узкое, изможденное, с терновым венцом на лбу и сияющим золотым нимбом над головой. Дунгане в страхе попрятались по домам, подпирая ворота, чем только придется. Повстанцы мирно дошли до рыночной площади и потребовали встречи с деревенским головой. На переговоры с ними вышли деревенский староста Любуза Многословный и отец Эбду, по прозвищу Железный Кулак. Тайпины пообещали никого не трогать, если им дадут провиант и пару дней отдыха. Сдержав слово, через два дня они покинули деревню, переправившись на южный берег реки. Деревенские жители с облегчением вздохнули. Однако, как говорится, не тут-то было. На следующий день из уездного города прибыл отряд восьмизнаменных во главе с командиром гарнизона по имени Тун Бао и местным правителем по имени Чжан Сяолунь. Всех жителей деревни согнали на рыночную площадь.

– Мерзавцы! Изменники! А ну признавайтесь, кто помогал «длинноволосым» бандитам?! – прорычал Чжан Сяолунь.

Вперед вышли Любуза и отец Эбду.

– Они сами сюда заявили... Мы им не помогали. – в один голос заявили они.

– Обязанность каждого подданного оказывать сопротивление мятежникам. Кто не выполняет императорскую волю, является пособником и таким же преступником, – голос правителя гремел подобно раскатам грома.

– Они попросились всего на два дня... Иначе убили бы нас всех... – страх покрыл лица отвечающих, и голоса их зазвучали слабо и жалостливо.

– Заткнитесь!.. Стража! Связать изменников!

Солдаты тотчас же послушно подбежали, скрутили и связали им руки.

– Каждому по сто ударов палкой.

Солдаты немедленно принялись сооружать из привезенных с собой шестов перекладину.

– Кто перевозил «длинноволосых» через реку?! – оглядывая толпу, грозно оскалил зубы уездный правитель Чжан Сяолунь.

Из толпы на подкашивающихся от страха ногах вышли три лодочника. Одним из них был Муса.

– А этим преступникам, – он обвел пальцем подрагивающих от страха паромщиков, – за пособничество разбойникам назначается наказание «Укус хорька!» – Чжан Сяолунь обернулся к командиру гарнизона. – Уважаемый командир Тун Бао, я прошу вас сейчас же выполнить мой приказ.

Командир Тун Бао спрыгнул с коня. За ним последовало несколько солдат. Они скрутили лодочников и нагнули их головы к земле.

Собравшийся народ застыл, словно всех охватил единовременный паралич. Было слышно, как в воздухе с жужжанием покружил и унесся прочь черныш с желтыми полосами шмель.

Командир Тун Бао был явно искусен в исполнении этого древнего наказания. Он достал из ножен короткий кинжал и почти на ходу, лишь на мгновенье задерживаясь у склонённых голов с вытянутыми шеями, трижды полоснул, при этом трижды выдохнув: «Хой!.. Хой!.. Хой!..» С хирургической точностью правые шейные сухожилия оказались перерезанными, и кровь, струясь по длинным плетёным косам, мгновенно обогрела пыльную землю под ногами несчастных лодочников. Солдаты брезгливо, чтобы не запачкаться, отодвинулись в сторону. Муса, как и другие, схватился за шею, ладонью пытаясь остановить кровотечение. Кровь сочилась сквозь пальцы. Его крупная голова завалилась на левую сторону и никак не хотела вставать на место. Боли он не чувствовал. Лишь неприятное жжение и много липкой крови. Из глаз потекли слезы. От обиды, унижения, беспомощности...

Эбду сорвал платок с головы младшей сестренки Ясминэ, испуганно разинувшей рот и вцепившейся в его руку. «Стой здесь!» – приказал он ей и помчался к Мусе. Пульсирующие толчки продолжали гнать кровь, но уже не так обильно. Эбду подсунил платок под залитую кровью ладонь. По плоскому лицу Мусы продолжали течь слезы, вздрагивали сильные широкие плечи. Сердце Эбду сжалось от сострадания при виде завалившейся набок головы друга. Ему никак не верилось в происходящее. «Бред, абсурд... За что?.. Вот так просто. Приехать, покалечить людей, сломать жизни...»

В это мгновенье раздался грохот барабанов. До Эбду долетел голос правителя, отдающего приказ о наказании отца и старосты. И снова сжалось сердце Эбду. В этот раз от боли при виде бессильного, подвязанного за руки к перекладине отца. «Я освобожу его от наказания. Пусть меня бьют!» – он напряг все свои силы, тщетно пытаясь прорваться сквозь плотно сомкнувшуюся цепь солдат. Двое из них выдвинулись вперед, приставили к его груди острые наконечники

пик и стали отдавливать назад. Эбду упорно, словно превратившись в скалу, стоял на месте. По груди потекла кровь, жала пик все глубже входили в тело.

– Эбду! Не дури! – повернув голову, крикнул отец. – Я выдержу!

– Заткни пасть, – огрел его палкой палач. Затем просвистел и шмякнул о спину второй, третий удар...

* * *

1871 год. Окрестности города Ляньчжоу

...Зеленый Вихрь и Муса с группой «неприметных» скрытно подошли к окраинам Ляньчжоу по руслу пересохшей реки. У груды камней возле давно высохшего родника они заметили восседающего на ослике человека. Муса негромко просвистел. Осторожно оглядевшись по сторонам, человек на ослике спустился к ним. Его место тут же занял дозорный из «неприметных», а перед отрядом предстал настоящий кашгарский торговец табаком, в халате, опоясанном широким кушаком, и расшитой узорами тибетейке. Ослик был обвешан мешочками с разными сортами пахучего зелья.

– Ну что, Лосан, много наторговал? – раздался чей-то шуточный вопрос из отряда.

– Не скажу, а то на мое место захотите, – ответил он, улыбаясь. Боец из отряда «неприметных» Лосан последние три дня провел в городе и его окрестностях под видом торговца, собирая слухи и высматривая расположение горной заставы.

– Давай по делу, – предложил Зеленый Вихрь.

– В городе тихо, – начал рассказывать Лосан. – Никто не знает, что мы двигаемся в Синьцзян. Гарнизонные солдаты и ополченцы дальше городских ворот не выходят. А вот вход в Хеси перекрыт полностью. В горах большая застава с пушками. Сколько солдат, выяснить не удалось. Но их там много. С заставы всё видно как на ладони. Прямо на дороге пост. Всех останавливают, досматривают. Мышь не прошмыгнет, змея не проползет.

– Зарисовал? – спросил Муса Кривошей.

– Здесь всё, – Лосан хлопнул рукой по голове и продолжил: – Вчера до полудня в город прибыл маньчжурский офицер. Похоже, из императорской службы. После его появления по городу развесили приказ о поимке длинноносого чужеземца.

– Длинноносого? – Зеленый Вихрь перебил Лосана.

– Ага. Сказано, государственный преступник.

– Посты после этого усилили?

– Нет.

– Значит, считают, что у них всё надежно, как в амбаре у хорошего хозяина.

– Маньчжурский офицер, видимо, прекрасно знаком с даотаем. После казни наших братьев они вместе сели в паланкин и отправились в ямынь.

– Интересно... Так, сейчас срочно к нашим. Передай ахуну Ма Шинло и командирам мой приказ: разбить лагерь, выставить охрану, организовать подвоз воды. Нарисуй расположение горной заставы. В город больше не возвращайся. А табачок можешь нам оставить.

– Вот это тоже возьмите. Пригодится, – Лосан протянул Зеленому Вихрю начерченную густым табачным отваром на белом шелковом платке карту местности. – Здесь столько врагов, балок, что заблудиться можно.

– Молодец Лосан, отлично поработал, – похвалил бойца Зеленый Вихрь, внимательно всматриваясь в карту.

– Мы вот здесь, – Лосан пальцем поместил их местонахождение.

– Ну что ж, прогуляемся вокруг города. По коням! – раздалась команда Зеленого Вихря.

* * *

Младший сын Басана Айги вместе с женой и двумя малышами держал юрту на большом кочевье, рядом с ее родителями. Встревоженный криками о появившихся в степи дунганах, он выскочил наружу. Кругом люди спешно сворачивали юрты, дети угоняли скот в близлежащие ущелья.

– Наран, вам придется уходить без меня. Идите к Каменной башке. Я вас там найду, – обратился он к жене.

Она поняла, что он спешит к своим родителям. Кивнула в ответ головой и принялась укладывать вещи.

Айги ехал быстро, часто сдерживая своего резвого коня, так и норовящего пойти галопом. Он знал, что отец любил уединение. «Больше не позволю ему кочевать отдельно. Лучше держаться вместе. Так спокойнее». Через пару часов заведелась родительская юрта. Его зоркие глаза заметили, что возле юрты происходит что-то непонятное. Сердце тревожно забилось, и он пустил коня в карьер...

А в это время из юрты, откинув полог, резко вышел Лотар. Громкая ссора между хозяевами и неожиданными гостями стихла. Все смолкли и молча уставились на него. Лотар вежливо поклонился и нетерпеливо, переминаясь с ноги на ногу, знаками показал, что ему требуется совершить естественную утреннюю процедуру. Басан махнул рукой за юрту. Лотар тут же исчез. Через некоторое время он появился, на ходу широкой грудью вдыхая свежий воздух и разминая крепкие высокие плечи.

Неожиданно Ойюн сделала шаг навстречу.

– Прости нас, незнакомец. Пусть твои духи не гnevаются на нас, – запритчала она. – Мы ничего плохого против тебя не имеем. Это у них дурные мысли, – она показала рукой на Мергена и Ундэса.

– Ойюн, уйди в сторону, – не сдержался Мерген. – Ундэс, кидай аркан!

Ундэс сделал шаг в сторону и ловко бросил аркан, который, несомненно, обхватил бы Лотара кольцом. Но стоящий рядом Басан отбил его рукой в сторону, и аркан вяло шлепнулся на землю.

– Беги! Беги отсюда! Они сдадут тебя в ямынь! – крикнул он Лотару.

– Ах ты, старый изменник! – в ярости прошипел Мерген. Он с силой толкнул Басана, который не удержался и упал на землю. Тут же взмахнул своим длинным сырмятным кнутом. Кнут со свистом рассек воздух и обмотался вокруг ног Лотара, еще не до конца понявшего слова Басана. Рывок! И Лотар, как подкошенный, рухнул на землю. Ундэс с арканом в руках навалился всем телом, пытаясь накинуть и затянуть на нем петлю. Лотар отчаянно сопротивлялся, отталкивая Ундэса руками. Мерген, выхватив из-за пояса короткую деревянную дубинку, вертелся рядом, пытаясь уловить момент, чтобы нанести оглушающий удар по голове.

Неожиданно раздалось громкое конское ржание. Всадник на полном скаку врвался в Мергена, который отлетел назад и покатился, словно пустая тыквянка. Одним махом Айги соскочил с коня, в два прыжка оказался возле Ундэса и Лотара. Сильными руками он схватил Ундэса за халат и, оторвав от Лотара, по-борцовски перекинул его через себя, плотно припечатав к земле. Не зря всё свободное время любимой борьбой-куреш занимался. Охая, Ундэс с трудом приподнялся и, отбежав в сторону, присел возле приходящего в себя Мергена.

– Отец! Мама! – крикнул Айги, подбегая к ним.

– Айги! Молодец! Как ты здесь оказался? – с радостью на лице проговорил поднявшийся Басан, возле которого суетилась Ойюн.

– Отец, уходим! Сюда идут дунгане! Они близко!

– О Небо! Да что же такое творится! – воздела руки и голову к небу Ойюн.

– Отсюда по-любому уходить надо. Это место отныне проклято, – плотно сжав губы и с презрением окинув взглядом двух своих соплеменников, проговорил Басан. – Айги, отгони овец в горы.

– Отец, берите самое ценное. А за юртой мы потом вернемся, – рассудительно сказал Айги и, ухватив коня за поводья, лихо вскочил в седло.

Басан и Ойюн исчезли в юрте. Охваченные тревогой, они даже не обратили внимания, что Лотар высвободился от пут и двинулся навстречу Мергену и Ундэсу, которые совсем не собирались расставаться с наградой в тысячу лян и, поднявшись на ноги, медленно обходили его с двух сторон. Они были умелыми охотниками за головами.

Айги же заметил происходящее и, натянув поводья, остановился, решив понаблюдать, как сложится схватка. А она обещала быть весьма интересной.

Чужеземец понял, что ввязываться в борьбу с сильными противниками бессмысленно, и потому совершал какие-то странные действия. Он, словно пританцовывая, перемещался на пятачке земли, явно выжидая какого-то нужного ему момента. И вот, подпустив на расстояние вытянутой руки Мергена, который, словно разъяренный медведь, раздвинув руки, попытался обхватить его, он резко выбросил вперед свою левую руку с крепко сжатым кулаком. Удар пришелся прямо в нос Мергену. От резкой, неожиданной боли тот на мгновение застыл. Этого было достаточно, чтобы чужеземец нанес молниеносный удар правой рукой, вкладывая в него всю тяжесть своего тела. Удар в челюсть Мергена был такой силы, что тот рухнул, как подкошенный сноп.

– Сзади! – ерзя в седле, крикнул Айги, предупреждая Лотара о подкрадывающемся Ундэсе.

Но чужеземец и сам прекрасно знал об этом, будто бы имел глаза на затылке. Он резко скользнул в сторону и, развернувшись, пустил левую руку по боковой дуге, попав кулаком в правый глаз Ундэса. Голова того мотнулась в сторону. Теперь молниеносный удар справа всем корпусом по массивной челюсти, и Ундэс покатился по земле.

Айги восхищенно покачал головой: «Ай да длинноносый! Лихо разделался с этими уродами». Откуда ему было знать, что никто в Прусской императорской армии так не владел искусством английского бокса, как лейтенант Лотар Ланков. Он махнул рукой с благодарностью взглянувшему на него Лотару и, огрев коня плетью, помчался к пасущемуся под охраной старого волкодава стаду овец.

Вскоре из юрты показались Басан и Ойюн с тяжелыми узлами в руках. Они быстро двинулись к привязи с лошадьми. Там же садились на своих коней побитые Мерген и Ундэс.

– Олухи, мы скоро вернемся. И тогда вам всем несдобровать, – грозно пригрозил Мерген, морщась от боли. Они не слышали, какие вести принес Айги, и посчитали, что Басан с Ойюн просто меняют кочевье.

Уложив и закрепив на лошадях поклажу, Басан подошел к Лотару.

– Тебя разыскивают власти. Сюда идут дунгане. Мы ничем не можем тебе больше помочь, – сожалеюще произнес Басан.

– Я не знаю, чем могу искупить неприятности, которые принес в ваш дом, – искренне ответил Лотар. – Но прошу вас, не считайте меня преступником. Это не так.

– Пусть Небо решит твою судьбу, – сказал Басан.

– Все мы в руках Господа, – согласился Лотар.

– Да, вот еще. По степи с голыми руками не ходят. Возьми это, – Басан протянул Лотару нож в деревянных ножнах.

– Спасибо, вы щедрые и великодушные люди, – Лотар взял нож, выдернул из ножен. Мелкие узоры отковки указывали на редкую, дамасскую сталь. Невольно он залюбовался клинком, провел пальцем по острому лезвию.

– О, это очень ценный подарок, – он решил вернуть его назад, но Басан и Ойюн уже покидали свое становище.

Через некоторое время Басан и Ойюн одновременно оглянулись назад. Чужеземец одиноко стоял у опустевшей войлочной юрты, держа в руке дорогой нож из дамасской стали, и продолжал смотреть им вслед. Увидев их взгляды, он помахал на прощанье рукой.

– Да хранят его добрые духи, – выговорила Ойюн.

Оставшийся в одиночестве у грязной войлочной юрты, Лотар в задумчивости поигрывал подаренным ему ножом, то вытаскивая, то вставляя его назад в деревянные ножи. Затем резко развернулся, подошел к своей понуре стоящей лошади. Потрепал ее по сбившейся, спутанной гриве, вскинул седло, затащил потуже подпругу и одним махом взлетел в него.

По дороге сюда ему не раз встречались пересохшие русла рек, заросшие чахлым колючим кустарником. «Если добраться до одной из таких балок, то там всегда найдутся расщелины, в которых можно спрятаться днем, а под покровом ночи пешим ходом продолжать путь», – так он решил для себя. «Давай, хотя бы до первой балки дотянись», – прошептал Лотар в ухо животному и тронулся в путь. Лошадь послушно двинулась вперед довольно резвым шагом. Лотар с облегчением вздохнул: «Господи, есть ты на небесах!»

Глава третья

1871 год. Город Саньцзыу. Провинция Ганьсу

Иногда после своего пробуждения генерал Мао Хунлинь погружался в различные размышления и воспоминания. Некоторые он даже записывал своим прекрасным почерком на свитках из дорогой рисовой бумаги. Ничто не должно было нарушать плавное течение его мыслей. Многочисленные слуги носили на ногах толстые войлочные туфли и двигались возле него совершенно безмолвно. За долгие годы службы каждый прекрасно научился выполнять свои обязанности. Фарфоровый ночной горшок доставлялся личному доктору для осмотра каждое утро. Доктор оценивал цвет и прозрачность драгоценной влаги, затем тщательно ее обнюхивал и после этого перемещался к стене с бесчисленным множеством аптекарских ящичков. Смешав ведомые только ему снадобья и скатав их в шарики, он отправлялся к генералу. По пути заглядывал к повару, отдавал необходимые указания, а иногда и оставлял пару шариков, которые повар добавлял в традиционный утренний просяной суп. Ровно через сорок пять минут доктор появлялся в покоях генерала, молча прощупывал пульс и первым прерывал тишину, царящую вокруг него. Обычно звучало: «Вы здоровы, высокоуважаемый генерал. Однако сегодня вам необходимо выпить эти пилюли». Или: «Высокоуважаемый генерал, у вас имеется легкое недомогание. Я незамедлительно приготовлю вам лекарство».

Пятидесятилетний генерал имел отменное здоровье и потому ничего более серьезного из уст доктора до сих пор не звучало. Своего доктора он звал Хуа То Третьим, в честь великого врача древности. Предыдущий доктор Хуа То Второй погиб от меча повстанцев-тайпинов. Их небольшой отряд прорвался к шатру генерала во время осады Нанкина. Многочисленная отборная охрана сумела перебить горстку смертников и спасти жизнь генералу, но не уберегла доктора. Его тело отправили в родной город Вухань и похоронили там с высочайшими почестями. Нового доктора подыскивали долго, пока не появился Гао Юнь. Кроме великолепных рекомендаций и глубоких знаний он обладал редким даром – умением слушать. Не просто слышать и, где надо, льстиво поддакивать, а именно слушать и сопереживать. Генерал оставил молодого

человека у себя и ни разу об этом не пожалел. Через год он не мыслил своей жизни без него и во время одного из роскошных пиров объявил во всеуслышание о новом имени доктора Гао. Отныне его стали звать Хуа То Третий.

Сам генерал никогда не спрашивал докторов о природе случившихся с ним недомоганий. Не от того, что ему было неинтересно, а потому, что ему не хотелось забивать голову тем, что другие знали лучше его самого. Он усвоил это в процессе своей жизни, когда стал заниматься исключительно военным искусством.

В тот день генерал предался думам о неотвратимости предначертанного Небом пути: «А разве стал бы я тем, кем являюсь сейчас, если бы не самые разные случаи, выпадавшие мне словно ниоткуда? Ведь именно такие случайности сталкивают человека с одной тропы на другую. Значит, за всем этим кроется веление Неба».

...Будучи молодым, самоуверенным, устремленным к служению на благо Империи, он провалился на последнем государственном экзамене по искусству, когда почтенный учитель с пышной седой бородой задал ему вопрос о трех различиях в постановке опер на юге и севере страны. Мао Хунлинь, выходец из центральной провинции Хунань, не знал об этих тонкостях.

– Как же вы можете претендовать на государственную службу, если не знаете особенностей оперного искусства?

Это был удар. «Неужели все мои способности в других науках меркнут по сравнению с какой-то оперой? Этот старец, видимо, всю жизнь только и изучал оперное искусство, стал знатоком в этой области и теперь считает, что нет ничего более важного в нашей стране, чем знать пение переодетых в женщин кастратов?!»

С позором он вернулся домой, возненавидев при этом не только почтенных ученых старцев, а вообще всех людей на свете, так зло и несправедливо отнесшихся к нему. Утешение нашлось в военных играх, которые он стал устраивать в своем просторном поместье и близлежащих окрестностях. Отец, видя его страдания, потакал любым забавам. Молодой Мао сколотил из крепких дворовых слуг отряд человек в сорок и разыгрывал с ними сцены из «Речных заводей». Он всегда выступал на стороне правительственных войск, а своего племянника по имени Чжан Сяолунь переодевал в разбойника.

– Разбойники не бывают благородными. Они воры и злодеи, – объяснял он свою позицию юному племяннику, с радостью исполнявшему роли знаменитых героев-мятежников из народного романа.

А однажды ему пришлось столкнуться с самыми что ни на есть настоящими злодеями. Объявление о розыске трех беглых преступников он прочитал на шумной рыночной площади уездного городка. Их имена навсегда отпечатались в памяти генерала Мао: Сюй Линь, Ван Дайю и Ма Цзяньфэй. За каждую голову полагалось вознаграждение в двадцать пять лян серебра. Долгое время лицо одного из них, по имени Ма Цзяньфэй, приходило к нему во сне. Но затем, словно растаявшая на бумаге тушь, превратилось в расплывчатое пятно. Генерал Мао часто вспоминал и размышлял о том случае.

Ма Цзяньфэй был торговцем опиумом. В какой-то момент случились перебои в поставках зелья, и он, в свою очередь, стал нерегулярно заносить взятки уездному начальнику полиции. Тот, недолго думая, нашел ему скорую замену, а самого Ма Цзяньфэя арестовали, выбили нужные признания, осудили и отправили на каторжные работы в медные рудники. Вместе с ним под охраной трех стражников шли еще пять преступников. На всех были тяжелые шейные канги, а на ногах кандалы с гремющими железными цепями.

«В рудник попал, пиши – пропал», – в преступном мире прекрасно знали, что оттуда живыми не возвращаются.

В одну из ночей Ма Цзяньфэю удалось освободиться от шейной канги. Голыми руками он удушил спящих стражников.

– Кто хочет, может пойти со мной, – предложил он онемевшим от удивленного сотоварищам, потряхивая перед их глазами ключами от свободы. – Вы хотя бы знаете, куда нас ведут? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – На медные рудники, в каторжные норы. Сдохнете там через пару лет.

Двое, Сюнь Ли и Ван Дайю, шагнули вперед. Через мгновение с их плеч упали канги.

– Никогда больше она не будет висеть на мне, – сказал Сюнь Ли и плюнул на валяющуюся под ногами кангу.

– А их не будет на моих ногах, – добавил Ван Дайю и пнул по железной цепи ножных кандалов.

Произошло всё это неподалеку от родительского поместья. Узнав о случившемся, отец тут же распорядился усилить охрану. А молодой Мао собрал свой отряд.

– Удальцы, у нас есть шанс изловить настоящих злодеев и получить хорошее вознаграждение. Кто боится, пусть остается в поместье, – предложил он своим молодцам. Никто не отказался.

Неделю они провели впустую, то прочесывая речные заросли, то подымаясь в горные чащи. Никаких следов. Энтузиазм быстро иссякал, а усталость усиливалась. Мао Хунлиню даже показалось, что молодцы между собой посмеиваются над ним. Глубокой ночью, возвратившись в поместье, злой, раздосадованный Мао заперся в своей комнате, не раздеваясь, упал на широкую кровать. «Это всё равно что вылавливать иголку, упавшую в море, – размышлял он. – Я считал себя умным и знающим, а не могу организовать поимку преступников. Какой позор! Так что же делать?»

На следующее утро его было не узнать. Сосредоточенный, с плотно сжатыми губами, он собрал свой отряд, раздал каждому бойцу по бумажке с инструкциями.

– Отправляйтесь в указанные деревни. Опросите старост. Обратите особое внимание на пропажу птиц, скота, изнасилование женщин. Если узнаете что-то подозрительное, немедленно сюда.

Удальцы умчались, а он остался ждать сообщений. И вскоре поступило первое: в горной деревушке за несколько последних дней пропали две козы. Такое там уже случалось. Но много-много лет назад, когда в горах еще водились тигры. Однако их уже давно, как не стало.

К середине ночи Мао прослушал остальные сообщения: «Дикая собака задрала курицу, но не успела унести добычу... В реке огромная рыба проглотила утку... Подвыпивший монах приставал к жене крестьянина, за что его сильно отдубасили». Вот и все новости.

Однако Мао уже знал, куда идти и что делать. Ранним утром весь отряд отправился в сторону деревни, где пропали козы. Поднявшись в горы, он сделал привал. Сам в это время отметил на бумаге все горные вершины, возвышающиеся над окрестностью. Затем разделил отряд на мелкие группы.

– Каждая группа подымается на свою вершину. Внимательно следите по всем сторонам. Злодеи обязательно разведут костер, и тогда появится дым.

Всё так и случилось. Беглецы нашли прибежище в одной из неприметных горных пещер. Холод и желание полакомиться горячей пищей вынудили их развести костер. А затем и вовсе соорудить уютный, домашний, обложенный камнями очаг. Но, как не бывает дыма без огня, так и не бывает огня без дыма. Просачивающийся сквозь щели в скалах, он предательски выдал беглецов. Брать их живыми Мао Хунлинь не собирался. Ему не терпелось проверить себя

и своих молодцов в деле. И даже не это было главным. На самом деле, он очень хотел увидеть, как по-настоящему умирают люди, когда один убивает другого. Вот они живые, сильные идут в бой. Мгновенье... и кто-то в мученьях корчится на земле, прежде чем его душа отправится к предкам. Забавно...

Однако смертельной схватки, как он себе ее представлял, не получилось. Всё испортил подступ к пещере. Это была узкая каменистая полоска земли, завышая над глубокой пропастью. На ней не то что сражаться, просто стоять было опасно. Выход оставался один – под покровом ночи незаметно проникнуть, накинуться на спящих и связать их.

Мао Хунлинь отобрал шестерку самых крепких. В своих играх они много раз пленяли «разбойников» и имели хорошие навыки. Шестерка бесшумно проскользнула в пещеру. Через короткое время оттуда раздались крики, наружу вылетел горящий факел, рассыпая вокруг себя яркие искры. Затем всё так же внезапно стихло. В темноте появились удальцы. Они волочили за собой связанного по рукам и ногам пленника.

Мао приказал зажечь факелы.

– Двоих пришлось прикончить. Иначе они бы нас, – склонив голову, оправдывался старший шестерки, по имени Юй Чунлинь.

– Иди, отруби им головы и принеси сюда, – приказал Мао Хунлинь. – А этого поставьте на ноги.

– Как твое имя, жалкий разбойник? – спросил он беглеца, смотрящего прямо ему в лицо.

– Меня зовут Ма Цзяньфай.

– Ты боишься смерти?

– Да. Но хочу получить ее поскорее! – выкрикнул он и плюнул Мао Хунлиню прямо в лицо. Мао молча выхватил меч и одним ударом пронзил грудь злодея. Не стирая с лица окровавленный плевок и с силой удерживая обмякшее тело на лезвии меча, он внимательно наблюдал, как смерть принимает Ма Цзяньфая в свои объятия. Глаза затухали, ничем, кстати, не отличаясь от закатывающихся глаз забитого животного. Такое он часто видел на заднем дворе поместья при забое быков. Но вдруг, на какое-то мгновенье, они широко открылись. Необычный взгляд был устремлен мимо него. В нем смешалось удивление и страх, словно умирающий ясно увидел кого-то позади Мао. Он резко обернулся, но кроме черной, бесконечной и кромешной темноты не было ничего...

В это время его воспоминания перебил доктор Хуа То Третий. Прослушав пульс, он был внимательнее и сосредоточеннее обычного. Затем тщательно всмотрелся в глаза.

– Уважаемый генерал, я прошу вас прилечь. Мне необходимо проверить ваше драгоценное хранилище крови.

С этими словами он мягко оцупал пальцами печень генерала.

– Легкое волнение. Оно не вызывает тревоги. Тем не менее, я приготовлю вам необходимое лекарство и применю лечение Волшебными иглами. Гармония в вашем теле очень скоро восстановится.

Генерал промолчал в ответ, выслушивая успокаивающие слова доктора. Однако сам-то он хорошо знал истинную причину своего, отнюдь не легкого, волнения.

– Дорогой Хуа То, ты знаешь, что Зеленый Вихрь вырвался из окружения?

– Да, господин генерал.

– Ты знаешь, что при прорыве он убил полковников Лю Дао и Хун Лусиня?

– Да.

– А ты знаешь, кем они были мне?

– Они были не только великими воинами, они были вашими лучшими друзьями, – учтиво произнес доктор.

– Они мне больше, чем друзья. Их было шестеро, моих преданных соратников, тех, с кем я создавал свою непобедимую армию. Сунь Цзян, по прозвищу Молодой Мудрец, назвал наш первый боевой отряд «хунаньскими удалцами». Вот откуда название нашей армии. Он погиб при взятии Нанкина. Все остальные на совести Зеленого Вихря. Моя душа не найдет покоя до тех пор, пока я собственноручно не скормлю собакам сердце этого злодея.

– Отомстить за своих близких – цель благородная. Однако идти к ней следует с холодной головой. Ярость – плохой попутчик, – заметил доктор.

* * *

Город Саньципу лежал в развалинах. Еще недавно казавшиеся неприступными, толстые, высотой в десять человеческих ростов стены с бойницами превратились в холмы желтой глины. Порывы ветра гуляли по пепелищам сожженных фанз, вздымая в воздух облака черной сажи, развевая гарь и вонь разлагавшихся трупов. Городскую мечеть теперь продолжали рушить оставшиеся в живых дунганские жители города. Такова была злая воля победителей. Дрожащими от слабости и холода руками они молча, со слезами на глазах, крушили свою святыню. Вокруг, цепью, лениво опираясь на свои пики, выстроились маньчжурские солдаты, время от времени своими громкими окриками подстегивая работу. Завидев приближающуюся кавалькаду конных офицеров во главе с самим генералом Мао, они выпрямились, а по ее приближении дружно склонились в низком поклоне. Генерал находился в невеселой задумчивости, а вот его свита была явно в хорошем настроении. Они громко о чем-то говорили, затем дружно рассмеялись. Их внезапный веселый смех прорезал тяжелый воздух, заставив несчастных дунган резко вздрогнуть, еще сильнее съежиться и ниже пригнуться.

Генералу нравилось проезжать по покоренным им городам. Жалкий вид вчерашних врагов, стертые с лица земли жилища, порушенные святилища, стаи кричащих воронов, вечных спутников войны, пожирающих останки трупов, – всё это заставляло ликовать его сердце, наполняло новой силой кровь в его жилах. Но в этот раз его радость оказалась неполной, подпорченной, словно в любимое ароматное вино из плодов личи плеснули болотной воды. Гибель последних боевых друзей-соратников, прорыв из окружения Зеленого Вихря, бегство Лотара свинцовой тяжестью давили на его сердце. А все горести словно толстой гранитной плитой накрывал ужасный факт того, что никаких тайных сокровищ дунганского шейха Ма Вэйдуна так и не нашли. И потому солдаты, не получив вождя вознаграждения, занимались сейчас поголовным мародерством, а командиры с трудом управляли ими.

Свою ставку генерал Мао Хунлинь разбил вблизи Саньципу на территории Большой мечети. Тяжелые бои обошли ее стороной. Ни один снаряд не разорвался в ее пределах. Выстроенная в виде традиционного китайского павильона в глубине обширного двора, мечеть казалась огромной, цветной шкатулкой, украшенной по углам луковками с золотыми полумесяцами. Она словно парила над тяжелыми каменными плитами, расстилающимися перед нею. Вблизи сооружение поражало не столько мощью черных резных столбов, поддерживающих гигантские красно-зеленые балки и изогнутую, взмывающую в небо кровлю с синей глазурованной черепицей, сколь тончайшей арабской вязью, своим таинственным и зачаровывающим орнаментом, покрывавшим снизу доверху стены духовного храма.

Кроме мечети здесь существовало несколько медресе. Когда в одних только начинали учить премудростям исламского учения, то из других уже выходили готовые для практики ахуны. Учеников когда-то было столь много, что

в их помещениях теперь легко разместилось несколько тысяч «хунаньских удальцов», боевой элиты армии Мао.

Сам генерал Мао обосновался в покоях шейха Ма Вэйдуна. Ему сразу бросилась в глаза аскетичность, в которой жил шейх. Простая мебель, на чистых, белых стенах изречения из Корана, вместо кровати обычный деревянный кан. «И его называли самым богатым и могущественным дунганином. Странно..» – отметил он про себя и приказал сменить всё на привычные удобства и интерьер...

– Хуа То, – подзвал он к себе доктора, – ты хорошо слышал, что кричал Лотар, когда бросился убивать меня?

– Господин генерал, – ответил доктор, отмеряя серебряной ложечкой толченую пудру из только ему известных веществ. – Я всё слышал, но совсем ничего не запомнил. Разве следует обращать внимание на слова безумца?

– Но мне он показался в здравом уме, – не согласился генерал.

– Уверяю вас, у него было помутнение рассудка, – доктор аккуратно всыпал порошок в чайную чашку.

– Он кричал, что я убийца!

– Вы воин, господин генерал.

– Он назвал меня предателем!

– Вы верно служите нашему великому императору.

– Он посмел обозвать меня бесчестным!

– Длинноносые не имеют представления о совести и чести. Они озабочены только загребанием денег.

– Хуа То, я мог бы посчитать все твои ответы лезть. Но ты прав во всем. На войне нет убийц. Есть войны, побеждающие и погибающие. А победитель – тот, кто убил больше врагов, и его не осуждают. Предатель не служит своему императору и народу. Их судьбы ему безразличны. И разве бесчестно не прощать врага? Ведь прощенный ненавидит еще сильнее.

– Как вы убедительны в своих словах, господин генерал, – поддакнул доктор.

– Этот жалкий варвар бросил мне какие-то нелепые обвинения, – продолжил свою речь генерал. – Что хотел он показать своей выходкой? Свой заморский гуманизм? Он что, и вправду считает себя чище меня? Думает, это я мясник с руками по самые плечи в крови? А он тихий, добрый мирянин? Да, я убиваю тысячами и люблю это делать. Я должен уничтожать врагов и всех им подобных. Жен, воспроизводящих враждебное потомство; пособников-стариков, кующих им оружие; детей, которые возьмут в руки это оружие, как только смогут его держать. Я это не скрываю, не прячусь за слова о человеколюбии. Мне нравится убивать врагов. Это моя работа, которую я довожу до совершенства, искусства. Кто-то водит по бумаге кисточкой с тушью и называет это искусством каллиграфии. Кто-то извлекает из натянутых на доски струн звуки и называет это искусством музыки. А я посылаю одних людей убивать других. И чем больше уничтожаю, тем больше наград и почестей осыпается на меня. Это искусство войны. И ничто не дает мне столько энергии и сил, как звон мечей, дым и грохот пушек, стоны и проклятья людей, оставляющих этот мир. Глупцы, они не понимают, что, убивая их, я дарю им новую жизнь... А что этот длинноносый? Он разве убивает меньше меня? Да один его снаряд разносит в клочья больше людей, чем я перерубаю за весь день. Но делает он это за тысячу чжаней от своих жертв. Он не ходит в атаки. Он не может взглянуть им в глаза, услышать страшные предсмертные хрипы, стоны и крики. После боя он видит раненых и искалеченных, и они вызывают у него сочувствие, жалость. Однако он не думает о том, что им, безногим, безруким, теперь во сто крат труднее жить. Смерть мгновенна, а мученья калек бесконечны. Дунгане, кстати, не оставляют в живых своих раненых врагов на поле боя. Они перерезают

им глотки, освобождая от страданий. Возможно, так велит им их Бог. Гуманно? Да. И я уважаю их за это. А заморский дьявол – просто жалкий лицемер.

Генерал закончил свою речь, принял в руки протянутую чашку и задумчиво отпил из нее глоток целебного напитка. В дверном проеме, затянутом ширмой, раздался легкий кашель генеральского адъютанта.

– Входи! – приказал генерал.

В покоях появился щеголевато выраженный адъютант Ван Юнли с утренним докладом.

– Господин генерал, срочная новость. Монголы сообщают о появлении в районе южного Алашаня огромной массы дунганских мятежников. Они движутся в направлении Хесийского коридора. Командует ими Зеленый Вихрь.

Лицо генерала мгновенно преобразилось. Оно наполнилось нескрываемой радостью.

– Значит, в Синьцзян двинулся... Через Пасть дракона. Прекрасно. На этот раз ему конец. Это мой последний шанс достать его. – В глазах замелькал кровожадный блеск. – Немедленно выслать разведку. Определить число разбойников. Всех старших офицеров ко мне!

– Какие будут еще указания?

– Сколько жителей осталось в городе?

– Тысяч десять.

– Уничтожить всех до единого. Город сравнять с землей. Мы уходим.

Глава четвертая

Лотар совсем не ожидал, что лошадь восстановит силы столь быстро, и поначалу внимательно наблюдал за ее дыханием. Оно было ровным и спокойным, и после нескольких минут размашистой рыси напряжение незаметно покинуло его. Голова тут же стала наполняться сумбуром последних дней. «Так, всё по порядку! – внутренне приказал он себе. – Первое! А что первое?.. Кто помог мне бежать?..»

...Ту ночь перед казнью, назначенной на полдень следующего дня, он запомнил до мельчайших подробностей. Из вязкой дремы его вытащила негромкая, странная возня. Ему показалось, что где-то у входа уронили два тяжелых мешка. Затем звяканье подбираемых с пола ключей и прерывистое дыхание у его клетки. Лотар, слегка приподнявшись на локти, пытался рассмотреть человека, копающегося в массивном навесном замке.

– Кто ты? – шепотом спросил Лотар.

– Не бойся, – прозвучал ответ.

Замок глухо упал на землю, и дверца его тесной бамбуковой клетки широко распахнулась. В нее, согнувшись, пробрался человек. Вблизи Лотар увидел, что незнакомец весь с головы до пят в черном. Даже лицо было затянуто черной маской с узкими прорезями для глаз. Руки незнакомца нащупали железную цепь, затем добрались до скоб кандалов, крепко обхватывающих лодыжки Лотара. Подобрал ключи, он освободил его от оков.

– Не отставай, – скомандовал он и повел Лотара за собой. Возле выхода Лотар споткнулся о тело лежащего в скользкой крови стражника. Рядом лежало второе тело. Из глубоко перерезанного горла доносилось слабое бульканье, и кровь легкими толчками продолжала выдавливаться на пол.

Они быстрым шагом двинулись по длинному коридору и вышли в сад. Скоро миновав его, они остановились у высокой стены, с которой свисала веревочная лесенка. «Лезь за мной!» – приказал незнакомец. За стеной их ожидали две лошади. Выбравшись в степь, они остановились. Спрыгнув с седла, чело-

век в маске снял с копыт лошадей намотанные тряпки. Только в этот момент до Лотара дошло, почему кони так бесшумно прошли по окраинам города.

– Видишь Небесную ось? – указывая на яркую звезду прямо посреди звездного купола, спросил незнакомец.

– Да, это Полярная звезда, – ответил Лотар.

– Иди на запад. Держись развалин Длинной стены. Так дойдёшь до Хесийского прохода. После держи путь на Кульджу. Там много русских. Они помогут тебе. Не бойся аратов, но избегай больших стойбищ. Когда доберёшься до дома, обязательно расскажи своим людям об этой войне и злодеяниях генерала Мао, – человек в черном лихо запрыгнул на своего коня.

– Погодите, – остановил его Лотар. – Кто вы?

– Дойди и расскажи, – прозвучало в ответ...

Кто же он?.. Лотар решил еще раз перебрать в памяти события последних дней, но сухой винтовочный выстрел заставил его резко обернуться. Со стороны города быстрой рысью шел небольшой отряд всадников с высокими шлемами на головах и развевающимся на ветру боевым синим знаменем.

– Вот черт! Как быстро они за подмогой сходили, – вырвалось у него. Он поддал каблуками под ребра начавшего слегка похрипывать коня, перешел на галоп и снова оглянулся. Вперед вырвались три всадника. Одним из них был Тун Бао...

Удары в барабан, отмеряющие раннюю утреннюю стражу, подняли его из теплой постели. На широком деревянном кане, разметав бесчисленные косячки, лежали две обнаженные турфанские танцовщицы. Тун Бао, накинув халат, вышел во внутренний двор резиденции даотая, обильно помочился в клумбу с цветами, затем подозвал часового и приказал принести жбан с холодной водой. Скинув халат, он облился водой, громко фыркая и похлопывая себя по широкой, мускулистой груди. Еще через некоторое время, поправляя на ходу боевую одежду, он уже подходил к дежурному офицеру, который тут же согнулся в низком поклоне.

– Прошу дать мне сопровождение для объезда постов, – приказал Тун Бао.

Вместе с восходящим солнцем в окружении шести всадников он выехал из города через Северные ворота. Тун Бао любил свежими рассветами выезжать в бескрайние степные просторы. Степь. Здесь он чувствовал, как тело наполняется силой и энергией. А вечерами степь становилась его колыбелью. Успокаивала, расслабляла, усыпляла под монотонное пение ветра. А еще степь казалась ему вечным гигантским погостом с бесчисленными народами, погребенными в толще первозданной земли и напоминающими о себе ранней весной океанами алых цветущих маков. «Выходим из нее, уходим в нее», – едва подумал Тун Бао, как заметил во весь опор мчащихся к ним двух монгольских всадников. Приблизившись к знаменосцу, они остановили коней, соскочили на стыльную землю и припали на колени, склонив головы.

– Подымите головы и говорите! – приказал выдвинувшийся вперед Тун Бао.

– Мы обнаружили заморского злодея!.. Того самого!.. Мы первые!.. Вознаграждение наше! – наперебой заглушая друг друга, заверещали Мерген и Ундэс.

– Вы получите его. Показывайте, ведите нас к нему, – грозный голос Тун Бао остановил их выкрики.

– Нет, так не пойдет. Нам надо слово господина даотая, – почувствовав, что вознаграждение может им и не достаться, два товарища дружно запротестовали.

– Я, офицер Тун Бао, имею полномочия действовать от имени даотая Чжан Сяолуня. При свидетелях заверяю, что в случае поимки преступника вознаграждение принадлежит вам. Достаточно!..

– Да, господин офицер, – согласились Мерген и Ундэс. Они поднялись с земли и лихо вскочили на коней.

– Держитесь нас, – крикнул Мерген, и они быстрой рысью погнали своих крепких мохнатых лошадей к юрте Басана...

– И где же он?! – выходя из пустой, холодной юрты, гневно спросил Тун Бао. Его лицо быстро наливалось кровью, рука всё крепче сжимала тяжелую плеть с вплетенными в сыромятную кожу железными шариками.

– Он не мог далеко уйти. Его лошадь совсем слабая, – жалобно запричитал Мерген, предчувствуя суровое наказание.

Ундэс отбежал в сторону и, прижавшись ухом к холодной земле, стал внимательно вслушиваться. Затем быстро поднялся и, показывая рукой на запад, прокричал: «Туда!»

Отряд сорвался и понесся вслед за Ундэсом. Он не ошибся и вскоре сам первым заметил удаляющегося Лотара. «Вон он!» – радостно проорал Ундэс.

Один из солдат сбросил с плеча винтовку и пальнул в сторону Лотара. Беглец резко обернулся и перешел на галоп.

...Сухой винтовочный выстрел услышал и отряд Зеленого Вихря. Растянувшись один за другим, они скрытно двигались по дну давно высохшей реки с обрывистыми берегами, заросшими мелким кустарником. Командир поднял руку. Боец по имени Саньгэ без слов соскочил с коня и быстро вскарабкался на край обрыва. Словно степной суслик, вытянув голову, он повертел ее по сторонам. Затем кубарем скатился вниз.

– Отряд «восьмерок», девять сабель, гонится за одним безоружным всадником. Идут прямо на нас, – рубанув воздух рукой, выпалил он. «Восьмерками» дунгане называли солдат ненавистной восьмизнаменной маньчжурской армии.

– Останешься здесь с лошадьми, – бросил ему Зеленый Вихрь. – Остальные все наверх! За мной!

Ловко спрыгнув на землю и придерживая перекинутую через плечо винтовку, он с бойцами кинулся к краю возвышающегося над ними оврага. Распластавшись на холодной земле, они слились с сухой травой и, выставив впереди себя винтовки, стали свидетелями захватывающей дух погони.

Беспрестанно погоняя лошадь, Лотар привстал на стремяна и подался вперед, прижимаясь к мокрой шее. Так обычно делают жокеи, пытаясь облегчить бег лошади. Пот струился по ее вздымающейся груди, из-под удил крупными хлопьями пошла пена с прожилками красной крови – первый признак вконец выдохшейся лошади. Но она продолжала свой бег. «Долго не протянет», – мелькнуло в голове. Лотар хорошо знал, что эти благородные животные, подчиняясь воле наездника, скажут до тех пор, пока не лопнут легкие, и тогда, издав предсмертный хрип, они замертво валятся на землю. Ему очень не хотелось губить свою измученную лошадь. Впереди завиднелась темная полоска спасительного обрыва.

– Ну, давай ещё чуть-чуть! – крикнул он в ухо лошади. Но когда увидел ее налитые кровью, обезумевшие от скачки глаза, натянул поводья. – Э-эх, живи, бедняга, – прошептал он ей и, махом соскочив с седла, бегом кинулся к обрыву.

– Что за чудак, – удивился Зеленый Вихрь, глядя на непонятное поведение «длинноносого». То, что это был разыскиваемый властями чужеземец, он не сомневался, настолько хорошо разглядывалось его бледное лицо с плотно сжатыми губами и раздувающимися от бега ноздрями.

– Огонь по моей команде! – перекрывая гулкий топот копыт и азартное гиканье всадников, отдал команду Зеленый Вихрь.

Лотар быстро бежал прямо на них, совсем не замечая лежащих в сухой траве «неприметных». На ходу он повернул голову назад и бросил взгляд на

преследователей, мчавшихся во весь опор и стремительно сокращавших расстояние. До беглеца оставалось метров триста. Тун Бао понял, что Лотар попробует прыгнуть в обрыв и затеряться в нем. На ходу снять мечом голову уже точно не получится. Тогда он выхватил прикрепленную возле седла новейшую американскую винтовку и, бросив поводья, чуть привстав на стременах, стал целиться. Мушка прыгала, никак не совпадая со спиной беглеца. Но Тун Бао не зря считался отменным стрелком на скаку, прежде из лука, сейчас из заморского винчестера. Умение метко стрелять сидя в седле всегда высоко ценилось у маньчжуров. Наверное, благодаря этому искусству им и удалось разгромить огромные армии ханьских военачальников и покорить своего южного соседа. Палец на спусковом курке терпеливо ждал своего момента.

Бросив взгляд назад, Лотар увидел, как скачущий впереди всадник отпустил поводья и, взяв ружье наизготовку, целился ему в спину.

«Раз, два, три!» – мысленно просчитал он в уме и плашмя кинулся на землю, заскользив по колючей траве. Свиста пули он не услышал, но резкий звук выстрела долетел до него.

– Вот чёрт! – прорычал себе под нос Тун Бао, передергивая затвор винтовки.

«Так, повторим еще раз!» – Лотар резко вскочил, преодолел короткий отрезок и снова плашмя кинулся на траву под хлопок очередного выстрела.

После второго выстрела Тун Бао показалось, что Лотар попытался вскочить, но тут же рухнул и неподвижно затих.

– Хой, хой! – радостно воскликнул он. – Готов! – Тун Бао победно вскинул вверх винтовку, и его отряд, сотрясая воздух восторженными криками, поскакал к лежащему беглецу. Мерген и Ундэс кричали громче всех.

Но Лотару на самом деле снова удалось обмануть пулю, летевшую ему прямо под лопатку. А изображать убитого ему пришлось совсем по другой причине. Когда он сделал попытку приподняться, то внезапно увидел перед собой лицо, полуприкрытое черной маской, поверх которой на него смотрели узкие, немигающие, насквозь буравящие глаза.

– Тсс... Лежи! Не шевелись! – донеслось до него. Он, сам не зная почему, мгновенно повиновался шёпоту-приказу, тут же вжался в землю, не в самом удобном для себя положении – жесткая трава и колючки впились в открытую шею. Всего этого, конечно же, не видели и не знали приближающиеся преследователи во главе с Тун Бао, и потому посчитали беглеца подстреленным.

А человек, лежащий напротив Лотара, неотрывно всматривался в приближающихся всадников сквозь прицел своей винтовки. Лотар, не поворачивая головы, покосил глазами по сторонам и обнаружил еще несколько слившихся с землей бойцов с винтовками наизготовку. «Так... Засада... Лежать, не двигаться, а как начнут стрелять – сразу в обрыв, – определился он со своими следующими шагами. – Хотя странно как-то... Я даже не знаю, что ждет меня в этом обрыве, а считаю, что там мое спасение... Бред...»

Гул копыт нарастал и приближался, заставив Лотара зажмурить глаза и еще сильнее вдавиться в подрагивающую землю. «Только не сорваться, не рвануть раньше времени! Спокойнее...» Он приоткрыл глаза. Человек напротив него явно взял одного из всадников на мушку и сосредоточенно вел цель, медленно передвигая вороненный ствол своей винтовки.

С шумным гиканьем неслись ошалевшие от скорой удачи солдаты из городского гарнизона. Давно не чувствовал такого прилива сил раскрасневшийся от встречного ветра Тун Бао. Визжали от захлестывающей их радости Мерген и Ундэс. Оставалось совсем немного. Вон лежит на сырой земле бездыханное тело чужеземца – тысяча лян серебра! Туго натянулись поводья, впились удила в лошадиные пасти, притормаживая бешеную погоню. И в этом

сумасшедшем азарте никто не заметил легких движений «неприметных», еще точнее наведших на них свои ружья. Никто не почувствовал затаившейся в полусотни шагах смерти.

* * *

Дружный залп из десяти стволов оглушительным треском резанул по ушам, свинцовый рой с шипением пронесся над головой Лотара. Следом раздались короткие, недоуменные вскрики солдат, встретивших внезапную смерть; тупые удары о землю вывалившихся из седел тел; громкие стоны прошитых насквозь тяжелыми пулями раненых; ржание коней; свист, рвущийся из пробитой груди завалившегося на бок коня Тун Бао; его отчаянный, запоздалый вопль: «Засада!!!»; лягание затворов; замелькавшие у глаз Лотара ноги вскочивших бойцов; руки маньчжурских солдат, тянущиеся в мольбе о пощаде; сухой треск одиночных, добывающих их выстрелов. Лотар, заметив, что никто не обращает на него никакого внимания, тихонько, по-пластунски прополз до оврага и, не оборачиваясь, нырнул в темнеющую перед ним неизвестность.

Ундасу пуля выбила левый глаз и снесла полчерепа. Мерген лежал рядом и слабо постанывал от боли. Пуля прошла насквозь под плечом. Острая боль отдавалась в теле при малейшем напряге. Могучему Тун Бао повезло больше всех. Он лежал целый и невредимый, придавленный телом всё еще хрипящей и судорожно бьющейся лошади. Струя конской крови залила его с головы до ног, и он напоминал крупного недорезанного хряка под ножом неумелого забойщика. Тун Бао затаил дыхание и не шевелился, в надежде, что его примут за убитого. Часть «неприметных» тут же стала собирать оружие и сгонять в кучу разбежавшихся коней.

Зеленый Вихрь, Кривошей Муса и Ву Молчун медленно, держа винтовки на взводе, обходили распластанные на земле тела.

– Смотри, монгол безоружный, – склонился над Мергеном Муса.

– Я ни в чем не виноват, – тяжело зашептал он. – Меня заставил вон тот. Он у них главный, – глазами Мерген повел в сторону окровавленного Тун Бао.

– Молчун, завяжи ему рану. С нами поедет, – приказал Зеленый Вихрь, а сам с Мусой двинулся к неподвижно лежащему Тун Бао.

– Живой, кажись. Кровь-то не его, а конская, – заметил своим внимательным глазом Муса. – Эй, тебе помочь или сам вылезешь?

Под тушей коня зашевелилось тело. Рывками, толчками, цепляясь за пучки травы, Тун Бао высвободился и встал во весь рост.

– Приятель, а где-то мы уже встречались, – взглядываясь в лицо и напрягая свою память, проговорил Зеленый Вихрь.

– Я старший офицер императорского отряда по особым поручениям. Мое имя Тун Бао, – он хорошо знал, что офицеров такого ранга убивать сразу не станут. А дальше, как говорится, всегда есть два пути.

– Брат, отойди в сторону, – прозвучал сбоку холодный голос Мусы. – Я убью эту тварь здесь, на месте.

Обернувшийся Зеленый Вихрь увидел черный ствол винтовки, нацеленный прямо в грудь Тун Бао. Толстый палец Мусы лежал на спусковом крючке.

– Погоди, Муса! Не стреляй!

– Как не стрелять?! Это же он! Который мне...

– Я тоже узнал его... Убить всегда успеем. Возьмем с собой. Ему есть что нам рассказать. Правда? – Зеленый Вихрь не спускал с Тун Бао взгляда.

– Да, да. Я много чего знаю, – мгновенно закивал головой Тун Бао. В нем тут же забились надежда, что рано или поздно ему удастся освободиться.

Возбужденные, радующиеся удачному бою, захваченному оружию и лошадям бойцы собрались возле командира. Связанный Мерген с трудом сидел

в седле, поникшая голова упала на грудь, под тугой повязкой боль чуть стихла, и он тихонько радовался, что всё еще жив. Тун Бао связали понадежнее, примотав ноги к стремянам, а руки к луке седла.

– А где беглец? – подымая из травы нож в деревянных ножнах и осматриваясь по сторонам, громко спросил Зеленый Вихрь.

– Кто? – в недоумении раздался голоса бойцов.

– Гнались восьмерки-то не за степным козлом, – шутливо прозвучал ответ командира. – Да и нож потерял он... хороший нож.

– Точно. Про беглеца-то и забыли, – завертели головами бойцы.

– Небось, в овраг спрыгнул, – высказал догадку Муса и, подойдя к краю, своей заломленной набок головой глянул вниз.

– Ну что, Кривошей, видишь его? – в нетерпении крикнул боец, придерживающий за узды захваченных лошадей.

– Вижу, – раздался долгожданный ответ.

– Живой? – повис в воздухе чей-то вопрос.

– Вроде бы да... Прямо Саньгэ в руки попал, – через мгновение радостно отозвался Муса.

– Так. Оружие, коней и этих в лагерь. Если что, порешим, – Зеленый Вихрь отрядил четырех бойцов для сопровождения. Выждал, когда они тронутся в путь. Затем добавил: – А мы посмотрим, на какого зверя маньчжуры охотились.

Один за другим бойцы попрыгали в овраг и вскоре столпились перед сидящим на земле под винтовочным дулом Саньгэ Лотаром. Бойцы молча, с любопытством, разглядывали чужестранца. Кто-то даже ощупывал ткань его красивого, необычного покроя мундира, подергивал за медные пуговицы.

– Хоть и чужеземец, а по-нашему говорит, – сказал Саньгэ. – В Кульджу идет.

– Вряд ли он туда дойдет, – сурово произнес Зеленый Вихрь. – Я знаю его. Это человек-дьявол. Он заслуживает только смерти.

Бойцы в ужасе отшатнулись от него. Наивное, почти детское любопытство мгновенно сменилось на жесткие, враждебные взгляды.

– Связать и крепче, – приказал Зеленый Вихрь.

* * *

Отряд Зеленого Вихря вскоре догнал своих. Поравнявшись, Лотар кинул взгляд на Мергена, нависшего от боли и слабости над седлом. Казалось, он вот-вот сползет с седла и рухнет наземь. Скользнув глазом дальше, он остановил взгляд на Тун Бао. «Знакомое лицо... Да это же Тун Бао, офицер по особым поручениям у генерала Мао. Так вот кто гнался за мной. Значит, генерал его отправил за моей головой... А может, я ошибаюсь? Нет, нет... Не гостинцы же хотел он мне передать, – сарказм вызвал вымученную усмешку на его лице. – Бойтся злодей-генерал, что о его преступлениях узнают другие люди, лицо теряет. – Лотар незаметно огляделся по сторонам. Рядом, мерно покачиваясь в седлах, полудремали крепкие, как на подбор, бойцы. – Хм-м... Только вот удастся ли мне теперь до дома добраться и донести правду о нем? Сомнений нет, я в руках дунганских повстанцев. А они совсем не добрые самаритяне».

Память Лотара погрузилась в один из вечеров, проведенных с генералом.

...Возле походной генеральской палатки горели факелы на длинных бамбуковых шестах, стояли часовые с пиками в руках и широкими мечами на поясах. В нескольких километрах от них стоял неприступный город-крепость Саньципу.

– Офицер Ла-нэ-го, вы работаете исключительно за деньги. Не так ли? – неожиданно во время шумного ужина спросил генерал. Обычно предельно

сдержанный, в этот раз он не скрывал очевидного любопытства. За столом сидели еще несколько его близких приближенных. Тун Бао находился среди них. Когда говорил или задавал вопрос генерал, за столом мгновенно нависала тишина.

– Да, – согласился Лотар.

– Значит, вам безразлично, в кого стреляют ваши пушки.

– Теперь это ваши пушки. А по ту сторону, насколько я все-таки знаю, такие же люди, как и вы. В чем конкретно их вина, мне неизвестно.

– И вас это совсем не интересует?

– Я стараюсь не вникать в чужие проблемы.

– Вы говорите, они такие же, как мы? Как все здесь сидящие?

– По крайней мере, они ничем особенным от вас не отличаются.

– Выходит, что мы воюем против своего народа?

– Ну... В общем, да.

– Как вы пришли к такому умозаключению?

– Довольно просто. Я не вижу внешнего врага. Мы, насколько я знаю, находимся в северной части Китая. До ближайшего соседа, Российской Империи, отсюда не менее трёх тысяч ли. До Японии и того дальше.

– Х-мм... Вроде бы всё логично и правильно. Но знаете, иногда враг внутри государства страшнее иноземного. А когда их вражеское число быстро умножается и при этом несет чуждую нам веру, то в этом уже угроза устоям страны, ее существованию. Пока нас больше и сила наша имеет превосходство, мы должны уничтожить как можно больше их, и только тогда спокойствие и гармония снова воцарятся в Поднебесной.

– А каким образом вы разделяете народ на своих и чужих?

– По вере, по отношению к традициям и преданности императору.

– Однако, насколько мне уже известно, ваши противники дунгане проживают бок о бок с вами почти тысячу лет и всегда отличались преданностью своим императорам.

– Так вы все-таки кое-что о них уже знаете.

– Совсем немного.

– Так вот, позволю себе не согласиться с вами. Дунгане схожи с нами, ханьцами, во всем, кроме самого основного – веры. И здесь сокрыта вся опасность. Их вера не позволяет им раствориться среди нас, подобно сотням других племен и народов, пришедших на нашу землю. Они не подчиняются законам, делают вид, что чтят наши традиции, и вечно бунтуют. В их веру обращается всё больше и больше подданных Поднебесной. Наступит время, и наши тысячелетние традиции будут преданы забвению, наступит хаос. Разве есть иной путь, кроме их истребления? – Генерал сделал паузу, обвел взглядом молча внимающих его словам гостей.

– Более кровавых и злобных людей мне не приходилось встречать, – вставил реплику полковник Лю Дао, один из ближайших соратников генерала. – После их набегов в живых не найти даже новорожденного.

– Однако ничего удивительного в этом нет. Человеколюбие малоприсуще, незнакомо варварским, невежественным народам, – добавил полковник по имени Хун Лусинь.

Затем взоры гостей обратились к Лотару.

– Господин генерал, мне трудно высказывать свои суждения на такие темы. Всё, что я знаю, это пушки. Согласен, они сеют смерть. Однако я все-таки сторонник мира.

– И что это значит?

– Необходимо вступать с врагом в мирные переговоры.

– Даже если враг фанатичен, предпочитает земной жизни наслаждение в небесном раю?

– Преувеличение. Жить хотят все. И на земле. История не знает примеров добровольного самоуничтожения целых народов.

– Хорошо. Лотар, вы готовы проявить по отношению к невежественным варварам гуманность?

– Каждая человеческая жизнь – творение божье, и спасти хоть одну из них – дело богоугодное.

– Ну, тогда вы можете сохранить жизни десяткам тысяч дунган.

– И каким же это образом?

– У меня есть план, – ответил генерал Мао Хунлинь...

...Лошадь под Лотаром оступилась о камень, и он резко вынырнул из воспоминаний. Держащийся рядом боец бросил на него косой взгляд, затем внимательно оглядел узлы туго стянувшего руки и ноги волосяного аркана.

Отряд продолжал свой путь. Прибавить ходу они не могли из-за пленных. Кривошей Муса время от времени кидал полные ненависти взгляды на сникшего Тун Бао. Чувство мести никогда не покидало его и сейчас клокотало в нем с не меньшей силой, чем в тот злосчастный день. С каким наслаждением он перерезал бы ему глотку. Но приказ командира не обсуждается.

Зеленый Вихрь не любил погружаться в воспоминания. Они всегда грустны. Даже когда они радостны, то обязательная грустинка нахлынет на вас по их концу, считал он. А все веселые, радостные воспоминания у него закончились после казни на деревенской площади. Сегодня, увидев постаревшего, погрузневшего Тун Бао с седыми концами на усах и бороде, он, помимо своей воли, ненадолго провалился в прошлое...

* * *

1861 год. Деревня Небесные тополя

Под громкий грохот барабанов уездный правитель и солдаты покинули деревню, оставив деревенского старосту и отца висеть на перекладине. Обрезав веревки, казненных бережно положили на принесенные кем-то одеяла. Удары бамбуковыми палками превратили их тела в кровавое месиво, смешанное с разорванными в ключья остатками длинных рубах.

Староста Любуза, потерявший сознание где-то после пятидесятого удара, так и не пришел в себя и тихо испустил дух. Тело его вытянулось, повернутая набок голова на длинной жилистой шее безжизненно покоилась на расшитом яркими цветами одеяле, губы застыли в последнем выдохе, без сомнения обращенном к Всевышнему. Отец лежал рядом и еле заметно дышал.

– Эбду, осторожно отдирай ткань от мяса. Присохнет, плохо будет, – советовал деревенский лекарь. В руках он держал охалку крупных листьев подорожника и банку с заживляющей раны мазью.

Через пару месяцев раны затянулись, превратившись в грубые красные рубцы. Отец стал выполнять легкие упражнения, носить воду из колодца. Жизнь в их маленькой по дунганским меркам семье вновь вошла в свое русло. Отец стал чаще отлучаться из дома и проводить больше времени в мечети. А вскоре в стенах их школы он организовал тайник, куда местный кузнец по прозвищу Подкова незаметно приносил настоящее боевое оружие: мечи, пики, топоры, секиры, железные цепи. Как-то раз Эбду застукал отца у тайника.

– Отец, что это? Зачем нам столько оружия?

– Эбду, всё, что произошло с нами, это лишь начало. После тайпинов на очереди мы. Маньчжуры готовят ханьские боевые отряды, которые пустят на

нас, как гончих псов. Братья из Пекина предупреждают о большой резне. Без оружия нас быстро и легко перебьют.

– Разве Сын Неба позволит творить такое беззаконие?

– Его убедили, что мы на стороне тайпинов и что наша вера еще опаснее.

– Но мы ведь его подданные, сотни лет мирно соседствуем?

– Сейчас многие страдают болезнью «красных глаз». Пользуясь случаем, они хотят отнять наши плодородные земли, дома, промыслы.

– Так что нам делать?

– Защищаться. Мы создаем свои боевые отряды. Наш ахун Ма Лихэр организовал в мечети штаб. Всевышний не оставит нас в беде.

После этого разговора Эбду навесил Мусу, которого уже успели прозвать Кривошейм. Засланных им сватов сторона невесты вежливо выслушала, но подарков не приняла. Это означало отказ. Грустный Муса тяжело переживал свалившиеся на него несчастья.

– Э-эх, сватов надо было раньше засылать, – сокрушенно произнес он. Затем добавил: – А может, и к лучшему, что отказали, а?

– Это почему? – поинтересовался Эбду.

– Ну, представь, ее всю жизнь звали бы не Лепестком Персика, а женой Кривошеего.

– Шутник, – улыбнулся Эбду. – А я вот к тебе по серьезному делу. Маньчжуры не оставят нас в покое...

– Ха, принес новость! Торчишь вечно в своей школе. Ничего не знаешь. Да они уже давно ханьцев против нас подбивают. Говорят, что сам генерал Мао Хунлинь сюда то ли уже прибыл, то ли скоро прибудет.

– Сам генерал Мао Хунлинь? Который командует «хунаньскими удальцами»?

– Тот самый. Его люди уже из разных бездельников несколько отрядов сбили. Ой, скоро что-то будет...

– Ну, а я, думаешь, почему к тебе пришел?

– Почему?

– Нам надо свой отряд создать. Ребят крепких у нас много. Чтоб поздно потом не было.

– Я тоже об этом думал.

– А чего молчал?

– Боялся.

– Ему полбашки отрезали, а он чего-то боится...

– Хорошо, а ты знаешь, с чего начинать?

– Знаю. С людей...

Как всегда и везде, люди оказались разными. Многими Эбду и Муса оказались глубоко разочарованы. «Да ты просто за отца отомстить хочешь, вот и баламутишь народ»... «А тебе, Кривошей, всё мало, да?»... «Не надо нам сказки рассказывать про злых соседей»... – в общем, наслушались много чего. Но всё равно большинство, к кому они обратились, с охотой их поддержали. Набралось около сотни молодых человек.

– Знаешь, река с виду одинакова. Не знаешь, где глубоко, где мелко. Так и люди, – мудро подытожил Эбду разговор с Мусой и смело приступил к боевой подготовке. Как воевать и готовить солдат, он не имел ни малейшего понятия и потому, не мудрствуя лукаво, решил всё делать как в их школе боевых искусств.

– Дисциплина и отработка навыков! – требовал он с новобранцев, вместе с ними же непрерывно упражняясь во владении оружием. Муса обеспечивал скрытность занятий. Он отыскал неприметное, подальше от людских глаз место, заставил народ приходить поодиночке, тайком, чтоб ни дети не увязывались, ни молодые жены не ревновали. Точно так же и расходились.

– Вы должны быть неприметными, как тени. Не дай Бог пронюхают про нас маньчжуры, – каждый раз напоминал Муса.

Однажды Эбду решил практиковать игры.

– Так, разделимся на две половины. Одна – это «враги», другая... – он запнулся.

– «Неприметные», – предложил Муса.

– Точно. «Враги» и «неприметные», – согласился Эбду.

Сражения между ними иногда принимали нешуточный характер. Эбду и Мусе приходилось постоянно вмешиваться. Иначе не избежать синяков, расквашенных носов и, понятное дело, любопытных вопросов домочадцев. Но зато крестьянские парни на глазах превращались в воинов...

* * *

1871 год. Вблизи города-крепости Лианьчжоу

...Зеленый Вихрь вышел из забвения, тяжело вздохнул. Нет, он определенно не любил вспоминать прошлое. Тем более что именно оттуда, как из глубокого колодца, до него всё чаще стали доноситься отдающиеся эхом в голове крики и стоны тысяч погибших сородичей. Он не мог четко различить их слов, но чувствовал, что все они хотят спросить его об одном и том же... Он догадывался, о чем. Но всё время гнал прочь от себя эти вопросы, потому что не имел на них ответа. Однако понимание того, что ответить рано или поздно придется, не оставляло и терзало его.

Глава пятая

Река Вэй четко разделяла дунганские и ханьские поселения. Дунгане заселили плодородные земли на северном берегу вблизи древней столицы Ханьской Империи города Сиань лет пятьсот тому назад, чему свидетельствовали не менявшиеся с тех древних пор вывески на мясницких, харчевнях, постоянных дворах и памятные надписи в бесчисленных деревенских мечетях. Народу за это время народилось много, и верных последователей пророка Магомета насчитывалось в провинции Шэньси никак не менее пяти миллионов душ.

На другом, еще более плодородном южном берегу стояли древние ханьские деревни и городки, доведенные своими нынешними помещиками до полного упадка и нищеты. Корень зла таился в неискоренимом пристрастии ханьского народа к курению опиума. Прокурено ими было всё: накопленные богатства, земли, дома, жены, дети, желание трудиться. Болезнь, поразившая великий народ, породила бедность, зависть, ненависть. Правда, чего греха таить, многие зажиточные дунгане свой жирок наращивали как раз за счет нищенствующих соседей, снабжая их запретным дурманом. Хотя справедливости ради следует сказать, что главными распространителями опиума в Китае были благообразные, добродетельные джентльмены из далекой, заморской Англии. Но это совсем другая история. А вот как появился в этих местах год назад новый уездный правитель Чжан Сяолунь, племянник генерала Мао Хунлиня?..

Молодой Чжан, как крепкий сорняк, всегда жил в тени растущей славы своего дяди и обладал незаурядными способностями набивать карман за чужой счет. На свете много подобных людей, удивительно схожих между собой. Умные, хитрые, скользкие и цепкие, как пиявки, они никогда не упустят своего шанса насосаться чьей-то крови. «Не стремись к должности высокой, а занимай должность доходную», – как-то раз услышал он от подвыпившего пройдохи-чиновника, и слова эти навсегда врезались в его память. Он выключивал

такие «рыбные места» у своего дяди и жил припеваючи. А когда его дядя создал армию «хунаньских удальцов» и стал генералом, то скромные накопления Чжана стали распухать, как тесто на теплых дрожжах. «Кому война, а кому мать родна», – не зря так говорят в народе о тех, кто умеет зарабатывать на людском горе. Всё чаще ему доставались огромные состояния поверженных врагов вместе с дворцами, слугами, наложницами. Он продавал их, как овощи на рынке. Деньги текли нескончаемыми потоками. Теперь Чжан мог без меры предаваться своим пагубным страстям: курению опиума, азартным играм и женщинам. Однажды на один из его пиров, о которых ходили легенды, привезли красавиц со всех провинций Поднебесной. Было решено провести выборы самой-самой красивой. Три дня и три ночи гости обсуждали достоинства красавиц. Но так никого и не выбрали... В промежутках между погружениями в сладкие опиумные грезы Чжан Сяолунь, оказывается, великодушно раздавал направо и налево купленных наложниц, и к утру четвертого дня выбрать было уже просто не из кого.

Так прожил Чжан Сяолунь несколько лет. Но однажды всё кончилось столь же быстро, как и началось. В его роскошном поместье появился генерал Мао Хунлинь, окруженный пятью преданными соратниками. Поданный гостям обед не уступал по изысканности императорскому. Генерал, умевший по достоинству оценить блюда, был в этот раз скуп в похвалах. Совсем другие мысли терзали его. И он вскоре озвучил их.

– Война с тайпинами затягивается. Вскоре мы надолго застрянем у Нанкина, – задумчиво проговорил он, отпив редкого сорта жасминовый чай. – Армия крепка духом, пока получает деньги. А у нас они заканчиваются. Казна в Пекине давно пуста. Но мы должны вовремя платить нашим солдатам. Это мой долг. У тебя хранится часть наших денег, – генерал молча обвел взглядом обеденный зал. Он впечатлял своей красотой и богатством убранства.

Чжан Сяолунь намек генерала понял с полуслова и тут же вызвал к себе управляющего финансами, господина Сяо Давэя. Увидев столь важных гостей, тот отбил им множество самых почтительных поклонов и застыл, склонив голову.

– Дядя, сколько денег вам выдать? – спросил Чжан Сяолунь.

– В этом месяце триста тысяч лян. В следующем не меньше, – ответил генерал.

– Господин Сяо, немедленно подготовьте необходимую сумму, – отдал распоряжение Чжан Сяолунь.

В ответ господин Сяо раскрыл толстую книгу, в которой записывались все доходы и расходы, дошел до последней страницы и со вздохом выдохнул:

– Мой господин, у нас нет таких денег. Расходы перекрывают доходы.

– Что?! – воскликнул в удивлении Чжан Сяолунь.

– Я не хотел вас огорчать, господин Чжан, но это так. Уже три последних месяца. И долги наши растут, – управляющий стоял с согнутой головой. А генерал Мао неожиданно громко расхохотался. Взгляды, обращенные на него, были полны недоумения: «Что смешного здесь?»

Отсмеявшись, генерал обратился к племяннику:

– В жизни я встречал много странных и смешных людей, но такого, как ты, в первый раз. Как ты сумел прокутить столько денег?!

– Сам не понимаю, – заикаясь от страха, промолвил Чжан.

– Мы доверили тебе наши деньги, а ты промотал их! Тебе мало отрубить голову! Тебя следует разрезать на сто мелких кусочков.

Чжан хорошо знал своего дядю. Глазом моргнуть не успеешь – голова с плеч долой.

– Я всё продам, буду есть чешую рыбы, но деньги верну, – клятвенно заверил присутствующих Чжан Сяолунь.

Генерал подошел к племяннику, готовому вот-вот потерять сознание от страха, и вырвал с его головы длинный волос.

– Твоя жизнь теперь висит на волоске. Храни и помни, – генерал положил волос в сияющую белизной фарфоровую чашку на огромном круглом столе и вышел из обеденного зала. Вслед за ним, одарив сникшего Чжан Сяолуня презрительными взглядами, удалились пятеро его верных соратников.

«На свете нет ничего дороже жизни, а деньги я еще заработаю», – повторял себе под нос Чжан Сяолунь, срочно распродавая припрятанные на черный день драгоценности, поместья, наложниц. Он вернул генералу больше положенного – миллион лян серебра, и у него еще осталось достаточно, чтобы не питаться одной чашкой риса в день.

Генерал Мао оценил старание племянника искупить свой позор и через какое-то время вызвал его к себе на разговор.

– Ты не потерял своего лица. И мне следует по достоинству отблагодарить тебя.

Сердце Чжана запрыгало от радости – он снова в милости у дяди!

– Нет, дядя, я не стою даже промелькнувшей мысли в вашей светлой голове. Сотрите мое имя из своей памяти, как волна смывает слово, нарисованное на песке.

– Сяолунь, на этом свете мало людей, которые готовы искренне исправлять свои ошибки. Не ценить их – значит увидеть в реке золотой самородок и не поднять его. Слушай меня внимательно и не удивляйся. Я выбью для тебя должность уездного правителя в Чаньане. – Заметив недоумение на лице племянника, он пояснил: – Это в провинции Шэньси, неподалеку от столичного города Сиань. В этой провинции проживает много дунган, слишком много. Народ крайне беспокойный, но не бедный. Настала пора избавиться от него.

– От целого народа?

– Да. И я знаю, как это сделать.

– Но зачем?

– Скажем так, в эпоху Мин была допущена большая ошибка, когда дунганам позволили скупить лучшие земли в самом центре империи. Сегодня они стали очень опасны для нас, а завтра от них будет еще больше бед. Их место за пределами Длинной стены вместе с другими варварами: саларами, кашгарлыками и прочими почитателями ислама. Есть еще причины, о которых тебе не обязательно знать. Так вот, я изгону их оттуда, а ты распродашь их земли, богатства, дома. С кем делиться, узнаешь позже.

– О, это я сделаю в лучшем виде, – хвастливо отозвался приободрившийся Чжан Сяолунь.

– Только в этот раз не вздумай пустить всё на ветер.

– Жизнь слишком коротка, чтобы повторять ошибки.

– Итак, будешь пользоваться моими подробными наставлениями. Я пришлою их тебе перед отъездом. Вместе с тобой поедет офицер Тун Бао.

– Из службы по особым поручениям?

– Да. Это надежный человек. Назначишь его командиром уездного гарнизона.

Вскоре Чжан Сяолунь получил должность уездного правителя и стал действовать строго по полученным наставлениям.

* * *

Если судьбы людские предположительно решаются в чертогах небесных, то судьбы народов – определено в тиши дворцов земных. В Пекине, за две тысячи ли от северного берега реки Вей, в величественном Западном павильоне Запретного города заседал Военный Совет. Шел одна тысяча восемьсот шесть-

десять первый год. Важные государственные сановники были облачены в одинаковые длиннополые черно-красные халаты, на головах выселись высокие цилиндрические колпаки, украшенные крупными драгоценными камнями разных цветов и достоинств, четко определяющих иерархическое положение. Они выстроились в два ряда, друг против друга. Выступающий выходил вперед, в центр зала, и произносил речь, обращаясь к трем сидящим в креслах на небольшом возвышении старшим членам Военного Совета. Еще выше стояло пустующее золотое кресло Сына Неба. Речь держал генерал Мао Хунлинь. Он явно выделялся среди высокопоставленных сановников своими пышными боевыми одеждами. Кожаный шлем с павлиньими перьями и золотыми драконами он держал в руках, а голову его покрывала черная шелковая ермолка, подвязанная шнурками под подбородком с ухоженной бородой и свисающими на нее густыми прядями усов.

– ...И вот тогда, после долгих раздумий, у меня родился лозунг, под которым я предлагаю действовать. – Генерал взял паузу, медленно обвел глазами старших членов Совета. – «Через очищение к процветанию!» – торжественно произнес он свой лозунг. Члены Совета не моргнули глазом, а в рядах сановников произошло легкое волнение. Слова, по-видимому, кое-кому понравились. Они завертели головами, переглядываясь между собой, легкими кивками выражая одобрение. – Что есть для императора самое важное? – продолжил речь генерал Мао Хунлинь. – Чтобы его народ жил в покое и согласии. Основой спокойствия в народе являются добрососедские отношения. Если же взаимоотношения не складываются, то народ не может быть спокоен. Мои агенты сообщают: дунгане стоят на стороне тайпинов и ждут момента, чтобы нанести нам удар в спину. Мудрый правитель не должен ждать, пока противник соберет сильную армию, чтобы вступать с ним в смертельную схватку. Пока враг слабее, нападай на него. Я считаю, что нам следует послать армию Линь Чуна и покончить с дунганями в провинции Шэньси. Почему именно там? Отвечу. Своим числом там магометане превзошли нас, ханьцев. В их руках большая часть самых плодородных земель, Шелковый путь вплоть до границ с Россией, транспорт, промыслы. Вместе со своими собратьями из Новой Провинции они занимаются незаконной торговлей опиума. Хоть они и не варвары и являются подданными Сына Неба, но даже им непозволительно занимать священные для ханьского народа земли, колыбель нашей цивилизации. Тринадцать династий, семьдесят два императора захоронены в той земле. Их дух требует от своих потомков навести порядок раз и навсегда. Разве имеем мы право не прислушаться к их голосам и не исполнить свой сыновний долг? – генерал закончил выступление, отвесил глубокий поклон и отступил на свое место.

Со своего кресла поднялся советник императора по имени Сун Хунчжан. На его колпаке сверкал кровавым цветом рубин размером с куриное яйцо. Выше него стояли лишь члены императорской семьи.

– Итак, внимательно выслушав все выступления, я могу сказать, что единого мнения по отношению к нашим подданным мусульманской веры нет. Мне очень понравилась речь уважаемого генерала Мао Хунлиня. Мы знаем его как великого, непобедимого полководца. Сегодня он показал себя подлинно государственным мужем, сердцу которого близки страдания нашего великого народа. Девиз: «Через очищение к процветанию!» привлечет к себе без сомнения много сторонников. Однако под очищением он подразумевает не только возрождение духовного и нравственного наследия наших предков, но и уничтожение чуждых, по его мнению, учений и вер, просочившихся к нам вместе с чужеземцами. Единственный способ борьбы с ними он видит в физическом искоренении их носителей, как в случае с тайпинами. Но справедливы

ли его опасения по отношению к дунганам? Он утверждает, что они столь же опасны, потому что их вера не принимает наши традиции, они стремятся жить по своим законам и никогда у нас не будет мира с ними. Не могу согласиться с уважаемым генералом, – советник Сун взглянул прямо на генерала и продолжил: – Когда появились тайпины? Двенадцать лет назад. И какую цель они поставили перед собой? Создать свое Небесное государство, отвернуться от Сына Неба и признавать лишь свои законы. Дунгане же, как нам всем хорошо известно, живут в Поднебесной добрую тысячу лет. Они законно подданные нашего императора. Разве слышал кто-то из нас, что они хотят создать свое государство, что не признают власть богдыхана? Они грубы и невежественны, но деловиты, трудолюбивы и послушно платят налоги. Слухи о поддержке ими тайпинов сильно преувеличены. Между ними нет ничего общего. Все мы знаем, что сегодня в бунтующей провинции Юньнань злодеев возглавляет чистокровный ханец Ду Вэнсю. А вот дунганин Ма Цзюй Лун вместе со своим войском перешел на нашу сторону. Дунгане – наши давние соседи по домам, из чьих дворов доносятся не совсем нам понятные песни. Но прислушаться и понять их, жить и дальше в добрососедстве гораздо гуманнее, чем рубить им головы. – Советник Сун еще раз прервал свою речь и медленно обвел сановников внимательным взглядом.

Его слово было решающим и последним. Однако он прекрасно знал, что сторонников уничтожения дунган в этих рядах найдется достаточно много. Война с тайпинами разорила состояния многих из них, однако при подавлении восставших пантай (так именовали дунган в южной провинции Юньнань), отобрав у них серебряные и медные рудники, они с лихвой восполнили свои потери. После этого сановникам стало ясно, как легко можно умножать богатства, и потому теперь они дружно устремили свои алчные взоры на плодородные земли и накопленные состояния дунган провинции Шэньси.

«Готовятся, сбиваются в волчью стаю, чтоб разодрать новую жертву в клочья», – подумал с грустью советник Сун.

– Я против отправки армии под командованием генерала Линь Чуня в провинцию Шэньси еще по той причине, что в казне для этого нет денег, – твердо и громко произнес он вслух и сел в кресло.

Генерал Мао заскрежетал зубами. Как он ненавидел этого советника Суна!

* * *

«Почему судьбоносные для государства решения принимает напустивший на себя важности ученый вельможа, ни черта не знающий реальной жизни людей?» – сокрушенно рассуждал про себя генерал, одиноко сидя на краю пруда в своем роскошном поместье, спрятанном за высокими стенами из серого камня неподалеку от Запретного города.

– Господин генерал, – вывел его из раздумий голос верного адъютанта Вана. – У ворот собралась целая делегация из уважаемых людей. Просят о встрече с вами.

– Так проводи их поскорее в дом! – обрадованно воскликнул генерал. Он сразу догадался, кто пришел и о чем пойдет речь.

Двор мгновенно наполнился шумом, криками, бегом многочисленных слуг и поваров, кудахтаньем кур, гогом гусей, истошным визгом черной, выкормленной дубовыми желудями свиньи. Из пруда тащили жирных зеркальных карпов и серебристых змеевидных угрей.

Почтенные сановники, медленно осматривая картины древних художников, тончайшей работы двустороннюю вышивку на прозрачном шелке, изумительные по изяществу фарфоровые вазы давно канувшей в лету великой эпохи Тан, громко выказывали свое восхищение и продвигались к просторному

залу празднеств и торжеств... Вскоре гости заняли свои места за круглыми, инкрустированными слоновой костью и перламутром столами, уставленными изысканными соленьями, легкими закусками и чашками с ароматным вином из плодов личи.

Теперь генерал ясно видел, кто пришел к нему. В основном за столами сидели военные высших чинов. Но присутствовали и трое из девяти наивысших сановников империи с высокими шапками-колпаками, на которых сверкали драгоценные камни. В его доме редко собирались столь знатные гости, и в груди у него клокотали ликование и радость: «Если сами пришли – значит, хотят поддержать меня». Еле сдерживая внутреннюю бурю эмоций, он вежливо поблагодарил гостей за оказанную ему честь и закончил свою короткую речь словами: «...когда встречаешь одного гостя – это радость, а когда встречаешь много гостей – это праздник!»

Все выпили по первой чашке ароматного вина.

– Не зря говорят, что у хорошего хозяина всегда найдется кувшин чудесного вина. В жизни не пробовал ничего лучше, – громко похвалил вино командующий столичным гарнизоном. Слуги тут же наполнили чашки и все выпили еще раз. Не успели они поставить чашки на место, как в зал стали вносить щекочущие ноздри своими запахами блюда. Трапеза началась, и закончилась поздно ночью.

Как генерал и ожидал, ему сделали предложение. В момент, когда приглашенные певички заиграли на лютнях, к нему подошли военный министр и императорский казначей. Вместе они вышли наружу и по узкой каменной дорожке дошли до словно парящей над водяными лилиями ажурной беседки, сооруженной прямо посреди пруда.

«Всё верно. Один от гражданских, другой от военных», – подумал про себя генерал Мао.

– Мы все давно знаем друг друга, и потому между нами не должно быть никаких недомолвок, секретов, двойной игры, – начал разговор военный министр. – Нас всех беспокоит судьба Империи. И ваш мудрый девиз «через очищение к процветанию» как никогда своевременен. Советник Сун – благородный государственный муж и не может поступиться своими принципами великого гуманиста. Мы полностью одобряем его поступки и деяния. Но в вопросе дунган нам следует просветить его, помочь понять, что с ними следует поступить точно так же, как с тайпинами: уничтожить, рассеять, ассимилировать. – Военный министр бросил острый внимательный взгляд на генерала, на лице которого застыло выражение полного внимания и беспристрастности. – «Умеет держать себя генерал», – отметил он про себя. – Итак, мы готовы собрать частные средства для финансирования военной операции. Не так ли, господин Хуан Ли? – он обернулся к императорскому казначею.

– Действительно, в казне денег нет, и об отправке правительственной армии в провинцию Шэньси не стоит даже говорить, – подхватил разговор казначей Хуан Ли. – Однако мы должны быть уверены, что вложенные нами частные деньги получим назад и с хорошей прибылью. – Последние слова он произнес подчеркнуто медленно и громче других.

– На этот счет будьте спокойны. У дунган накоплено достаточно богатств, и, главное, им принадлежит очень много нашей земли. Слишком много...

– Нам потребуются веский повод для военных действий, – произнес военный министр.

– Он будет. У меня работает там свой человек и только ждет сигнала, – мгновенно ответил генерал.

– А вы удивительно прозорливы, генерал Мао, – восхищенно произнес военный министр.

– Прозорливость подобна продуманным ходам в игре го. Не более, – скромно ответил генерал.

– Да... Против вас я бы не сел играть в го. Однако у меня имеется вопрос. Какие части вы собираетесь отправить в Шэньси?

– Мне хватит пятидесяти батальонов, которые я возьму с собой. Остальные части останутся здесь под командованием полковника Линь Цзиньтина. С тайпинами по любому вскоре будет покончено.

– В этом нет никакого сомнения. К Нанкину уже движется «Всегда побеждающая армия» длинноносого американца Гордона.

– А с дунганами только всё начинается. Но с ними мы разберемся быстро.

– Вы уверены, что столь небольшими силами справитесь с ними? Ведь их в Шэньси не менее пяти миллионов.

– Пятидесяти батальонов, конечно же, маловато. Однако мы подготовим из местного населения отряды народной милиции. И еще замечу, дунгане не столь организованны, как тайпины. У них отсутствуют сильные лидеры.

– То есть среди них не найдется вожака, подобного Хун Сюцюаню?

– Нет. Я хорошо изучил их. Они слепо повинуются своим местным религиозным наставникам. Их зовут ахунами. Так вот у каждого ахуна своя довольно-таки замкнутая община. И более того, зачастую между этими общинами происходят довольно жесткие стычки.

– Интересно, почему?

– Дело в том, что, будучи одной веры, они разделены на два лагеря. Нам трудно разобраться в нюансах, но люди из одного лагеря почему-то считают себя более правыми, чем другие. Отсюда их вражда между собой. Мы официально поддерживаем течение так называемого «старого учения», что приводит в бешенство сторонников «нового учения».

– Прекрасно! Значит, мы можем срастить их друг с другом.

– Этим уже давно занимаются люди из тайной императорской службы.

– А я впервые об этом слышу.

– Уважаемый министр, у вас столько больших дел. Разве обращает свое внимание слон на живущее рядом с ним комариное семейство?

Они еще долго обсуждали детали задуманного дела и затем, вполне довольные разговором, вернулись назад. Вскоре гости неспешно разошлись. Генерал лично провожал и отвечивал поклоны каждому. Когда исчезли огни факелов, освещающих последний паланкин, на лице генерала засияла довольная, торжествующая ухмылка: «Ну что, советник Сун, а власть предрержащие-то за меня!»

Глава шестая

1871 год. Окрестности города Лианьчжоу

К полудню отряд «неприметных» с пленными, выбравшись из скрывавших их пересохших сплетений русел и оврагов на ровную гладь бурой степи, двинулся к показавшемуся вдали лагерю с вздымающимися над ним завитками сизого дыма. Лотар был поражен его размерами. Лагерь напоминал лежащий на земле гигантский обод из выстроившихся по периметру бесчисленных деревянных повозок со скарбом. Они создавали подобие укрепления, которое всегда принесит с собой какое-то чувство защищенности. У въезда в лагерь между высокими шестами прогибалась под порывами ветра растяжка с надписью, выведенной арабской вязью. Внутри лагерь напоминал огромный муравейник. Мужчины, взяв в руки тяжелые мотыги, рыли землянки. Комьями летела по сторонам оттаявшая, влажная, вязкая земля. Женщины громко требовали от них в первую

очередь соорудить очаги для варки еды. Дети весело носились, путаясь под ногами у взрослых, младенцы плакали, матери прикладывали их к груди. Кругом стоял жизнеутверждающий шум и гам, отгоняющий хоть на время прилившее, как потная рубашка к телу, чувство страха и смерти.

В штабной, шатровой палатке прямо на земле расстелили толстые ватные одеяла. На одном из них, поджав под себя ноги, сидел погруженный в раздумья ахун Ма Щинло. Правой рукой он медленно перебирал четки из изумрудно-зеленого нефрита. Мысли его путались. Он понимал, что Всевышний испытывает его на прочность: даст ли он слабину, позволит ли усомниться хоть на ноготок в силе и могуществе великого Аллаха. Конечно, нет, он верный слуга, крепкий как скала, без малейших трещинок. Однако кроме испытаний ему очень хотелось получить от Всевышнего совет, подсказку, хотя бы легкий намек – что делать дальше? Особенно в последнее время. Он всё чаще задирает голову и всматривался ввысь. Но небо молчало, и меж белых облаков не проявлялось никаких тайных знаков. Ахун невольно сравнивал себя с пастухом отары послушных овец, попавшим в беспросветную мглу снежной пурги, где кроме завываний ветра слышен вой приближающихся злобных, голодных волков. Спасенья нет. Есть только смерть и чудо. «Что ниспошлет Всевышний, то и прими с благодарностью. Аллах велик!» – прошептал про себя ахун и провёл ладонями по впалым скулам.

У палатки раздалось ржание коней, голоса часовых, шумно приветствующих возвращение отряда «неприметных» с пленными.

– Зеленый Вихрь вернулся, – доложил старший охраны, откинув полог. – Пленных с собой привел.

– Быстро всех командиров сюда, – бросил ему в ответ ахун.

По лагерю пронесся слух о плененном чужестранце и маньчжурском офицере, который много лет назад сделал Мусу кривошеим. Толпы любопытствующих тут же двинулись к штабной палатке.

Связанных по рукам и ногам Лотара и Тун Бао усадили на сырую землю, а раненого Мергена бросили ничком подле них. Сидеть было неудобно, тугие веревки сдавливали Лотару грудь, не давали полностью вздохнуть, и от недостатка воздуха кружилась голова, наполняясь тревогой и беспокойством. Нервная дрожь изредка сотрясала его тело. «Спокойно! Расслабься! Это еще не конец», – успокаивал он себя, оглядывая из-под полуприкрытых глаз шумную, агрессивно настроенную толпу. На лицах людей не проглядывалось праздного любопытства, мол, что это за чужестранец эдакий там. Они видели в нем врага, неверного, место которому только в аду. Лишь дети носились возле Лотара безо всякого предубеждения, с испугом дотрагиваясь и тут же отбегая с радостным смехом. Мимо него не прошло незамеченным, как возле кривошеего гиганта появились улыбающиеся, похлопывающие его по спине друзья в длинных халатах с винтовками за плечами. Особо активно вел себя низкорослый крепыш в черной шапочке и с густой бородой на круглом лице. Его звали Коротышка Сун.

– Так значит, этот маньчжур тебя таким красавцем сделал? – спросил, поглядывая в сторону Тун Бао, Коротышка Сун.

– Ага, – кивнул своей закинутой набок головой Муса.

– Так давай ему то же самое сделаем. Я сумею, – предложил Коротышка Сун, достав из-за пояса острый кашгарский пчак с темным лезвием, покрытым изящным орнаментом.

– Командир сказал не трогать, – придержал его Муса.

– Ладно, пойдем, взглянем на него вблизи, – потянул за собой друзей Коротышка.

Друзья, отделившись от Мусы, подошли к Тун Бао, окинули его брезгливым взглядом, словно видели перед собой паршивую бродячую собаку или полудохлую крысу.

– Камнями забить неверных! – неожиданно выкрикнул Коротышка.

– Смерть неверным! – подхватили стоящие рядом с ним друзья. Кто-то из толпы, подобрав пару камней, тут же запустил их в ход. Один из них попал Тун Бао в голову и, отскочив, подкатился к ногам Лотара. На нем адела свежая кровь.

– О Боже, – прошептал Лотар. Ужас приближающейся развязки не оставлял сомнений в мучительной, страшной смерти. Такой конец ему не приходил в голову даже в самом дурном, кошмарном сне. Он никогда не думал, как закончит свою жизнь. Военным людям не свойственно размышлять на эту тему. Смерть поджидает их на каждом шагу. А вариантов умереть неисчислимое множество. Пуля в грудь – лучший из них. Но это если повезет. Лотар навсегда запомнил свесившиеся с пушечного лафета и ствола оторванные руки, ноги, кишки канониров третьего оружейного расчета, когда прямо посреди них разорвался вражеский снаряд. А сейчас вдруг вспомнилась картина отчаянной атаки австрийских гвардейцев-гренадеров, во весь рост бежавших на них с примкнутыми к ружьям длинными штыками. Из их разинутых ртов с желтыми, прокуренными табаком зубами несся пугающий рев, перекрывавший грохот пушек. Особенно выделялся великан-гвардеец с лицом, покрытым шрамами. Лотару казалось, что он бежит прямо на него и вскоре непременно насадит его на свой острый штык. Мелкая дрожь охватила и не отпускала обмякшее тело, спина покрылась ледяной испариной. Только прикосновение к бесстрастному, холодному металлу стальных пушек привело его в чувство. Вытолкнув пушки на прямую наводку, батарея Лотара дала залп. Полевые орудия Круппа получили тогда новейшие снаряды, начиненные крупной свинцовой картечью. Гренадеры падали на землю, как подрезанные колосья созревшей пшеницы. А в гвардейца со шрамами угодил, по-видимому, весь картечный заряд весом в семь с половиной фунтов. Лотар не мог поверить своим глазам, но... человека не стало. Гвардеец просто исчез, его разорвало, разметало по воздуху на мелкие красные клочки. «Господи, помилуй меня, грешного», – только и вымолвил тогда потрясенный такой смертью Лотар...

...«Кто первым кинет в меня камень?» – дурацкий вопрос теперь, за мгновение до смерти, вытеснил воспоминания, и он с легкой усмешкой, появившейся на губах, стал наблюдать, как через головы, плечи, из рук в руки передаются камни и обломки скал. В этот момент сквозь толпу стала настойчиво пробиваться стройная девушка. С трудом ей удалось сделать это, и она остановилась возле пленных. Обведя их взглядом, она повернулась лицом к толпе, отыскивая глазами Мусу. Взгляд Лотара поневоле зацепился на ней. Одета она была в короткую, утепленную куртку из темно-бордового шелка и черные штаны с расшитой цветными узорами каймой по низу. Широкий кожаный пояс с серебряной пряжкой охватывал не только стройный стан, но и короткий меч в ножнах. Голову украшала традиционная белая шапочка, из-под которой свисало множество тонких плетеных косичек. Узкое лицо с миндалевидными глазами, светлая гладкая кожа, длинная шея и необычный для местных обитателей прямой, остренький носик придавали ей благородный, возвышающийся над темной массой вид.

– Брат Муса, тебе поручили охранять или убивать их? – голос прозвучал звонко и в то же время твердо. Так звенит хорошо закаленная сталь.

В свою очередь, бесцеремонно растолкав толпу, Муса, как огромный медведь, неуклюже проковылял к ней и встал возле нее. Неожиданно в сторону Лотара полетел увесистый камень. Муса невероятно проворно на лету поймал его своей огромной пятерней.

– Так, кто еще раз бросит, получит его назад... – он наглядно подкинул в руке камень и добавил, – прямо в лоб! Коротышка, твоя задача за порядком в лагере следить, а не народ баламутить. Всем расходиться! Считаю до десяти, больше не умею!

В это же время в нескольких шагах, в штабной палатке, рассевшись на толстых одеялах, командиры Великих батальонов и ахун Ма Щинло вперились в задумчиво стоящего перед ними Зеленого Вихря. Посуровевшее лицо, сдвинутые брови означали только одно – положение более чем серьезное.

– Брат, ты не должен от нас ничего скрывать, – расколол тишину ахун Ма Щинло. – Говори всё как есть.

Зеленый Вихрь не заставил себя ждать:

– Итак, наша цель пройти Хеси и выйти в Синьцзянь. Другого пути нет. У нас восемь тысяч бойцов и тридцать тысяч простого, мирного люда. В горах расположена застава маньчжуров. Мы не знаем точно, сколько там солдат и пушек. Они перекрывают самое узкое место прохода. Если их действительно много и они защищены скалами, то нам будет не под силу уничтожить их. Тогда наше спасение в скорости, быстроте прохождения. Боевые отряды на это способны. С потерями, но проскочат. А вот те, кто идет в обозе? Старики, дети, жены. У них никаких шансов. Они наверняка погибнут. Их просто перестреляют, как зайцев на охоте. Мы можем пойти на такое?

– Нет! – раздался в ответ дружный, общий голос.

– Я тоже так считаю, – кивнул головой Зеленый Вихрь и обвел взглядом притихших командиров.

– Так что нам делать? – ерзая на одеяле, беспокойно спросил ахун Ма Щинло. Четки застыли в его руке.

– Придется оставаться здесь. Пока не придумаем, как уничтожить заставу, вперед идти нельзя.

– А если по нашим пятам уже двигается генерал? – спросил ахун.

– Его солдаты сейчас грабят Саньципу и отправляют всё себе домой. Пока до последней миски не растащат, с места не сдвинутся. У нас еще есть в запасе немного времени. Но не больше недели.

– Всего семь дней, – уныло прошептал ахун.

Зловещая тишина на мгновение зависла в палатке.

– А что за пленных вы там привели? – спросил ахун.

– Головы им отрезать и выкинуть куда подальше, – презрительно сморщив лицо, произнес командир артиллеристов Хасанза Громовержец.

– Это не совсем простые люди, – заметил Зеленый Вихрь.

– Что еще за знать такая?! Давай их сюда! – приказал ахун часовому.

«Опять рука Божья отвела смерть от меня, – подумал Лотар, глядя на редеющую толпу. – Или судьба играет со мной в неведомую мне игру, или всё это – просто цепь случайных совпадений». Он заметил, что прелестная девушка исчезла в штабной палатке, а из нее стремглав выскочил часовой.

– Брат Муса, – громко прокричал часовой. – Давай этих на допрос! – он мотнул рукой в сторону пленных.

– Сейчас, руки-ноги развяжем, – откликнулся Муса и вместе со своими бойцами принялся перерезать туго стянутые арканы. Лотар сразу же почувствовал облегчение. Но, встав на ноги, чуть сразу же не рухнул наземь, так сильно затекли они.

Вместе с Тун Бао он поковылял в палатку, а стонущего Мергена оставили лежать под присмотром.

Муса грубо втолкал обоих в центр палатки. Увидев пленных, лица сидящих в палатке командиров непроизвольно вытянулись от удивления, они зашепта-

лись между собой: «Хм-м... Действительно, важные птицы попались». Ахун напрягся, сосредоточенно вперился в них, словно увидел перед собой знамение господне. «О, неспроста такие люди попали в наши руки. Вот и ответил Всевышний на мои мольбы, – подумал он. – Теперь главное понять, что он передает мне через них». Ему сразу бросилась в глаза хоть и грязная, но пышная боевая одежда Тун Бао. Вышитые желтые драконы подчеркивали принадлежность к императорскому двору. Правда, вел он себя неподобающе благородному мужу образом. Его глаза сразу забегали, прыгая с одного лица на другое, словно он искал сочувствующего для попавшего в беду невинного простака. Голова вжалась в плечи, спина согнулась. Всем своим видом он как бы пытался вызвать к себе жалость. Но пока, кроме презрительных взглядов, на него ничего не упало.

Рядом с ним стоял чужестранец: бледный, с растрепанными волосами, в черном мундире с блестящими медными пуговицами. Ровная спина, высоко поднятая голова. Прямым взглядом своих необычных голубых глаз он обвел выставившихся на него дунганских командиров, не отвел их в сторону, встретив ими пронзительный взор Зеленого Вихря. Без намека на высокомерие его вид говорил: «Моя судьба в ваших руках, и я надеюсь, что вы отнесетесь к ней справедливо, а я достойно приму любое ваше решение».

– Они попались нам возле Лияньчжоу. Чужеземец убежал, а этот, – рука Зеленого Вихря показала на Тун Бао, – с небольшим отрядом гнался за ним. Оба служат генералу Мао. Но что-то, видать, не поделили. Как говорится, гнался волк за лисой, да вместе в яму попали. Вот он, – Зеленый Вихрь снова указал в сторону Тун Бао, – своей собственной рукой много лет назад перерезал шею нашему брату Мусе. А это – человек-дьявол, – он перевел руку на Лотара. – Это он обучал «восьмерок» стрельбе из заморских пушек. А еще он двумя выстрелами снес две башни в Саньципу, после чего шейх Ма Вэйдун решил сдаться.

– Брат, о чем ты говоришь? Отрезать им головы и скормить степным шакалам... Большого они не заслуживают... – зазвучали голоса командиров.

Со своего места резко поднялся ахун Ма Щинло:

– Согласен. Они заслуживают самой страшной кары. Гореть им вечно в адском огне. Но... Если Всевышний уберег их от смерти и бросил в руки Зеленого Вихря, вижу я здесь божий промысел. О Всевышний, действительно нет пределов твоему могуществу и милосердию!

– Если Всевышний послал их к нам, то только с одной целью. Они должны помочь нам пройти Хеси, – добавил Зеленый Вихрь.

– Но что они могут? Вчера появившийся в здешних краях чужестранец или маньчжурский палач, – громко выкрикнул стоящий рядом с ними Муса. Он надеялся, что командиры поддержат его, и тогда он с превеликим удовольствием перережет вражьи глотки.

– Действительно, что они знают?.. Казнить, и делу конец... – раздалось командирские голоса.

– Я очень много знаю. Я помогу вам, – громко и торопливо заговорил Тун Бао, перебивая зазвучавшие голоса.

– Кто ты? – спросил ахун.

– Меня зовут Тун Бао. Я старший офицер императорского отряда по особым поручениям. Служу в штабе генерала Мао Хунлиня.

– Ну, и чем же ты можешь нам помочь? – обернулся к нему Зеленый Вихрь. Он видел животный страх в глазах Тун Бао и понимал, что сейчас для спасения своей шкуры тот готов рассказать всё, что знает.

– Насколько я понимаю, вы хотите пройти через Хесийский проход в Синьцзянь... – он тут же осекся, словно испугался, что сболтнул чего-то лишнего, и

стал попеременно глядеть то на ахуна, то на Зеленого Вихря, ища поддержки своему предположению.

– Да, ты прав. Продолжай, – Зеленый Вихрь не сводил с него глаз.

– Но это невозможно. Ваш путь через Ворота Хеси преграждает горная застава. Две с половиной тысячи солдат и сто пушек, спрятанных между скалами.

– Откуда ты знаешь, сколько войска там? – спросил Зеленый Вихрь.

– Мне по службе положено знать.

– Дальше, – бросил Зеленый Вихрь.

– Оттуда всё хорошо простреливается. На ровном месте вы разгромили бы их за два часа. А здесь у вас – никаких шансов.

– Если нет шансов, зачем тогда ты нам нужен? – жестко заметил Зеленый Вихрь.

– Только я и могу помочь вам, – важно ответил Тун Бао.

– И каким образом? – поинтересовался со своего места ахун.

– У меня есть план. Но необходимо время, чтобы тщательно продумать его, – многозначительно ответил приободренный Тун Бао. Он хорошо знал людскую натуру. В тяжелые, отчаянные моменты самый слабый огонек надежды начинает казаться костром спасения. Главное умело раздувать его, не дать затухнуть, но и случайно не загасить излишним старанием. Он был уверен, что ему это сейчас удалось. Командиры задумались, стали тихо перешептываться друг с другом. Ахун прикрыл глаза, его губы зашевелились в очередном безмолвном обращении к Всевышнему, четки забегали меж пальцев.

– Ждать от него помощи, что от бешеной собаки ласки. План прорыва должны разработать мы сами, – неожиданно высказался Зеленый Вихрь. Тун Бао с тревогой взглянул на него. Ему казалось, что глаза Зеленого Вихря буравят насквозь и отчетливо видят весь его блеф. Искра надежды стала угасать прямо на глазах.

– Но... – продолжил после короткой паузы Зеленый Вихрь, – возможно, он и пригодится нам. Поэтому пусть поживет под присмотром Мусы.

– Правильно, – согласились командиры.

– Пусть так и будет, – кивнул головой ахун.

Тун Бао с облегчением вздохнул. «Шанс на спасение имеешь до тех пор, пока носишь голову на плечах», – говорил его убеленный сединами военный наставник.

– Однако у меня имеется еще вопрос, – вновь раздался голос Зеленого Вихря. – Зачем ты гнался за чужестранцем? Ведь он служил вашей армии.

«Так... Тун Бао пытается спасти свою шкуру. Готов наобещать всего и черта лысого в придачу... Что же сейчас про меня наговорит?» – невесело подумал Лотар.

– Это опасный государственный преступник. За него – награда в тысячу лян. А за его головой меня послал генерал Мао, – окинув Лотара презрительным взглядом, Тун Бао демонстративно отодвинулся от него чуток в сторону.

– Кто он такой? – тут же спросил ахун.

– Он прибыл к нам из какой-то варварской страны, чтобы обучать стрельбе из новых заморских пушек. Такой меткости, как у него, никто никогда не видел. С одного выстрела он мог снести верхушку башни, удаленной на два ли. Мы прозвали его «человеком-дьяволом».

«Во как!» – слегка удивился про себя Лотар, внимательно слушающий допрос Тун Бао.

– Зачем генералу его голова? – ахун задал вопрос, буквально зависший на кончиках языков всех собравшихся в штабной палатке.

– Он пытался его убить, – прозвучал ответ.

– Что?! – дружно пронесся полный недоумения возглас.

– Да. После взятия Саньципу он ворвался в ставку, стал что-то кричать на своем варварском языке, выхватил револьвер и два раза выстрелил в генерала. Но охрана успела выбить оружие, и потому ни одна пуля не попала в него. Чужеземца арестовали. Но в ночь перед казнью ему каким-то образом удалось сбежать. Это нанесло еще один удар по репутации генерала. И чтобы хоть как-то спасти свою честь и не потерять лица, он приказал отыскать и доставить ему голову беглеца. – Тун Бао смолк, и внимание всех тут же переключилось на Лотара. В охваченных оторопью лицах отчетливо читалось – это что еще за бред? Покушение, побег... Чего ради вообще чужеземец должен убивать генерала, да еще в командной ставке при скоплении военных, без шанса выбраться оттуда. Кто же стоит перед ними? Сумасшедший или герой?

– Это действительно так? – спросил ахун.

– Да. И я очень жалею, что не убил этого негодяя, – с достоинством ответил Лотар.

– Почему ты решил убить его? – Глаза Зеленого Вихря вперились в Лотара.

– Это личное, – ответил и смолк Лотар.

– Ты пытался сделать благое дело. Однако не ради нас, не так ли? – обратился к Лотару ахун.

– Это был вопрос чести.

– А сколько наших братьев ты погубил?

– Я не участвовал в боях.

– Ты был на их стороне. Ради справедливости нам следует тебя казнить, – высказался ахун.

– Да. Так будет правильно, – поддержали его несколько командирских голосов.

– А ты что скажешь? – ахун повернулся к Зеленому Вихрю.

– Я тоже в общем-то не против. Однако он решил на убийство генерала. И мне кажется, заслужил этим шанс рассказать о себе. А мы слушаем и решим по совести, – предложил Зеленый Вихрь.

– Ну что ж... Тоже справедливо. Давай, рассказывай. Только покороче, – махнул рукой ахун.

Присутствующие в палатке расселись поудобнее и стали слушать рассказ Лотара.

Продолжение в № 10, 2025.

